

ЗНАКИ СУДЬБЫ

Александр Форш

Дети
земли и жной
Медведицы

Annotation

Алиса, покинув стены интерната «Медвежьи Озера», в котором оказалась по трагическому стечению обстоятельств, решила навсегда порвать с прошлым: уехала жить в другой город и даже изменила внешность. Однако сбежать от судьбы не удалось. Ее новый начальник, Андрей Соболев, отправил Алису с поручением туда, где она провела большую часть детства и где долгое время вокруг нее происходили загадочные преступления. И теперь, чтобы перестать прятаться и снова стать собой, ей нужно лишь заглянуть в глаза своему Страху...

Александр Форш

Дети жемчужной Медведицы

Я счастлив посвятить этот роман людям, без поддержки которых его могло бы и не быть: Нике Ёри, АLINE Лис, Молке Лазаревой, Марине Комаровой, Марии Дубининой, Соре Наумовой, Андрею Вель, Ясмине Сапфир, Светлане Матюхиной, Виктории Коноплёвой, Александре Крухмалевой, Елене Кабыченко, Евгении Кравец, Екатерине Радион, Olie Olanb, Виталию Лис, Александре Черчень, Ольге Хусаиновой, Брониславе Вонсович, Анастасии Пырченковой, Ирине Перхиной, Озоде Носировой и Анастасии Сбродовой!

Пролог

Нож вошел в плоть легко, с едва слышимым чавкающим звуком, распоров сначала кожу, а затем и мышцы.

Слишком легко. Он даже расстроился, что не получится растянуть удовольствие как в прошлый раз.

От воспоминаний слегка закружилась голова, сладко засосало под ложечкой, рука инстинктивно дернулась, надавила на рукоять с раззявленной медвежьей пастью, вгоняя лезвие еще глубже. Заклеенный скотчем рот в алой помаде кривился, глаза жертвы расширились, зрачки же, напротив, сузились до размеров игольного ушка. В норме такого быть не должно, но ему в тот момент было не до того.

Резко выдернув нож из тела, он медленно поднес его к своему лицу и слизал со стали кровь: теплую, густую, с пряным привкусом.

Рана получилась слишком глубокой, жизнь утекала из слабого тела чересчур быстро. А у него, как назло, не было с собой нужных инструментов и препаратов для остановки кровотечения. Если они будут умирать так быстро, пропадет всякий смысл продолжать свое дело. Без удовольствия оно того не стоит.

Тело в его руках вдруг обмякло, стало тяжелым и неинтересным, как поломанная игрушка. Придется искать новую жертву. Он еще немного постоял над трупом, точно ожидая, когда же застывавший взгляд вновь станет осмысленным и живым. Но чуда не произошло. Девушка была мертва: окончательно и бесповоротно.

Снова не та! Она опять его обманула!

От удара ногой бездыханное тело скатилось в канаву с талой водой – мертвая кровь ему ни к чему, она горчит и вызывает изжогу.

– Алиска, ты где ходишь? Тебя Горгулья обыскала. Злая как черт! Ты чего опять натворила-то? – Громогласная Нинка бежала по коридору с выпученными глазами, будто за ней гналась толпа хулиганов.

– Ничего я не творила, – буркнула девочка и отвернулась к окну, давая понять, что не желает общаться.

– Я же твоя подруга, – Нина уперлась локтями в подоконник и заглянула в лицо Алисе, – волнуюсь за тебя. Эй, ты плачешь?

– Не плачу я. – Палец с обгрызенным ногтем мазнул по мокрой щеке. – Чего ты ко мне прицепилась? Иди куда шла!

– Вот ты чудная, а! – Нина совсем не обиделась. – Говорю же Горгулья тебя ищет, вот я и прибежала сюда. Она не знает, где ты обычно прячешься, и злится. Но я-то твоя подруга, потому не сдала ей, сама пришла.

Нина Усатова никогда не была Алисе подругой, но говорила об этом постоянно, часто не к месту. Да и вообще более непохожих друг на друга людей сложно себе представить: Нина шумная, деятельная, гроза всего интерната; Алиса – тихоня, забитая серая мышка, живущая в своем собственном мирке, куда посторонним вход категорически запрещен. К тому же Нина на три года старше и по меркам интерната Алиса для нее малышня, на которую никто не обращает внимания, но тайно завидует, потому как у тех больше шансов попасть в новую семью. Усатова просто назначила Алису своей подругой, или, как говорила она сама, – взяла шефство над младшим товарищем.

– Я не кондиция, – в порыве откровения признавалась Нина. – Все хотят здорового карапуза с хорошей наследственностью. Точно мы какие-то щенки на выставке, а не люди вовсе. Они приходят: осматривают, ощупывают; улыбаются тебе в лицо, потом идут к директору и просят личное дело. А у меня там черным по белому написано: предки алкаши запойные, оттого и ребеночек с пороком сердца родился. Может, и я бы с ними спилась, вот только, – на этом месте Нина всегда замолкала, прикрывала глаза, силясь справиться с подступающими слезами, и лишь потом продолжала говорить, – батяня мой психованный матушку ножом запырял, прямо возле нашего дома. Труп в канаву сбросил, а сам вернулся и спать завалился, как ни в чем не бывало. Утром проснулся весь в крови, ничего не помнит. Менты за ним пришли через неделю, да он трусом оказался, повесился, пока они дверь ломали. А ведь когда-то на «Скорой» фельдшером катался. Потом вдруг запил, его и турнули, кому алкаш на такой ответственной службе нужен. Ну начал он ремонтами по квартирам промышлять, брал небольшие шабашки, а там куда ни плюнь – нальют. Вот он и скурвился окончательно.

Я после того случая сбежала. До одиннадцати лет по подвалам и помойкам скиталась. Подворовывать начала, надо было себя как-то прокормить. Жрать я хотела постоянно, наголодалась еще при живых родителях. Ну и поймали меня однажды, притащили в детскую комнату милиции, там всю подноготную подняли и сюда определили.

Алиса понимала, но молчала. В интернат никто не попадал от хорошей жизни. И жалобы Нины не вызывали у нее никакого сочувствия. Саму историю она слышала сотню раз, но Нину не перебивала, знала – той нужно выговориться.

– Шухер! Горгулья! – Нина так резко потянула Алису вниз, что та не удержалась и упала на пол, больно ударившись коленкой. Еще и занозу, кажется, посадила.

Эта часть здания была давно заброшена. Когда-то здесь начинали делать ремонт, но то ли денег не хватило, то ли еще по какой причине, но все работы прекратились и вход в крыло заколотили досками. Воспитанникам строжайше запретили даже приближаться к закрытому помещению. Правда, со временем любопытные мальчишки оторвали доски и все же проникли на запретную территорию. Но ничего интересного не обнаружили: на полу необструганные доски, по двум сторонам коридора несколько распахнутых дверей, за которыми располагались точно такие же комнаты, как и в противоположном крыле, только неблагоустроенные, заваленные строительным мусором и битым стеклом. Второй раз ремонт затеяли год назад и ничем хорошим это не закончилось.

– Ты придурочная? – Алиса зашипела от боли. – Силы рассчитывать нужно!

– Там Горгулья внизу, – пошла в контрастступление Усатова. – Если увидит нас здесь, в карцер засунет. Тебе оно надо?

Алиса замотала головой. О карцере в интернате рассказывали шепотом, после отбоя вместо страшилок. С каждым разом истории обрастали новыми подробностями – одна кровожаднее другой. И лишь Алиса точно знала, что в карцере очень холодно. Там нет окон, и когда за тобой закрывают дверь, комната погружается в полную темноту, наполненную жуткими звуками, шорохами и едва различимыми голосами.

Однажды она рискнула рассказать об этом в своей группе, но ее тут же подняли на смех.

– Хватит сочинять, Маркина! – дразнил ее Колька Верещагин: задира и драчун. – Ты даже близко к карцеру не подойдешь, сразу в трусы надуешь.

Дети обидно хохотали и тыкали пальцами. Девочка не выдержала и бросилась на Кольку с кулаками. Он даже не успел среагировать, когда щуплая Алиса повалила его на пол и принялась хлестать по щекам ладошками.

– Такая же психованная, как твой полоумный брат! – кричал Колька, размазывая по лицу слезы и сопли, пока воспитатель оттаскивала от него брыкающуюся девочку. – Тебе самое место с ним в психушке! Собака бешеная!

Кольку вскоре перевели в другой интернат, а остальные воспитанники, ставшие свидетелями драки, присмирели и не рисковали вступать в конфликт с Алисой. С ней вообще никто не хотел больше общаться, кроме приставучей Нинки.

– Чего застыла, Маркина? Вроде нет никого. Пойдем. – Нина выглянула в общий коридор и махнула рукой, приглашая следовать за ней. – Горгулья вернется, скажем, что сами ее давно ожидаем.

Алиса почувствовала что-то вроде благодарности к громкой и неуклюжей Усатовой, даже улыбнуться попробовала, только Нинка уже повернулась к ней спиной и ничего не увидела. Может, оно и к лучшему.

Кабинет директрисы интерната Галины Георгиевны не был заперт, но девочки замерли возле и не решались войти.

– Вот что, Алиска, – напутствовала Нина, – ты давай успокойся, не съест же она тебя в конце концов. Если что, я рядом, кричи.

Слова поддержки были совершенно бесполезными. Кто она против разъяренной Горгульи? Пустое место. У Алисы дрожали колени, бурлило в животе и, кажется, начинало тошнить. А подлая Нинка еще взяла и постучала в дверь. Сама же уселась на стул и неумело перекрестила воздух перед застывшей Алисой. Ну точно придурочная!

– Здравсте, – почти шепотом сказала Алиса, шагнув и увидев в кабинете милиционера вместо директрисы.

Милиционер сидел возле стола Горгульи, на коленях у него лежала синяя папка, а на ней фуражка с блестящим гербом.

– Проходи, Алиса. – Милиционер встал, заметив попытку девочки покинуть помещение. – Ты ведь Алиса?

Она кивнула, чувствуя, как пол уплывает из-под ног. Время словно повернулось вспять, и вот она стоит в том же кабинете ровно год назад, и точно такой же милиционер задает вопросы, которые превращают кровь в колючие льдинки. Календарь на стене упрямо твердил: она заблуждается! Но Алиса не верила календарю, боялась повторения прошлого.

– Почему ты плачешь? – Милиционер присел на корточки, заглянул в глаза. Торопливо достал из кармана помятый носовой платок и протянул ей.

Лицо мужчины плыло и изменялось. Кажется, у того прежнего были усы и бородка. А еще взгляд: холодный, неприветливый. Злой взгляд был. Теперь на нее смотрели улыбающиеся глаза темно-серого цвета, на гладко выбритых щеках алел румянец. Но страх никуда не ушел.

– Усатова, ты Маркину не видела? Битый час ее ишу! – Громкий голос Горгульи, чуть приглушенный разделяющей их дверью, как ни странно, придал Алисе уверенности, прогнал серые призраки воспоминаний.

Ответа Нинки Алиса не услышала. Директриса ввалилась в кабинет, сразу заняв половину всего пространства своим могучим телом.

– Так ты здесь, мерзавка этакая! Теперь тебя наконец заберут отсюда. Всю кровь ты мне выпила.

Директриса схватила со стола какие-то бумаги и принялась обмахивать ими красное, потное лицо. Жидкая рыжая челка прилипла ко лбу, тонкие искусанные губы сжались в нитку. Горгулья тяжело дышала, отчего стала похожа на огромную селедку, выброшенную на берег.

– Вот, товарищ милиционер, полюбуйтесь! – Директриса схватила Алисину руку и потрясла ею в воздухе. – Нервы все вымотала пиявка безродная. Сил моих больше нет!

– Гражданочка, мы во всем разберемся. – Мужчина, похоже, сам боялся разъяренную Горгулью. Он отошел в сторону, насколько было возможно, и жестом указал на стул. – Не нужно нервничать. – И, обращаясь к Алисе, спросил: – Ты знаешь, для чего тебя сюда пригласили?

– Всё она знает! – Горгулья не унималась и лезла в бой. – Дурочку не строй из себя, Маркина, говори все как есть.

– Галина Георгиевна, – в голосе милиционера появились строгие нотки, – позвольте мне самому вести беседу. Иначе мне придется попросить вас выйти.

Директриса открыла в изумлении рот, но ничего не ответила. Уселась на свое место и принялась сверлить глазами несчастную Алису.

– Алиса, ты не должна меня бояться. Я задам тебе несколько вопросов и отпущу играть с ребятами. Договорились?

– Ха! – Директриса то ли усмехнулась, то ли поперхнулась. – Какие другие ребята, товарищ милиционер? Она же дикарка. Забьется в угол и сидит часами, сама с собой разговаривает. С ней никто дружить не хочет. Чокнутая она!

– Галина Георгиевна, – мужчина перегнулся через стол директрисы, его глаза

встретились с расширившимися глазами Горгульи, – вы понимаете, что сейчас роете себе яму? Государство доверило вам опеку над детьми, оставшимися без родителей. Вы должны заменить им мать, отца и бабушек с дедушками. Как представитель власти, я имею полное право, даже обязанность, сообщить о вашем поведении в соответствующую инстанцию. Знаете, чем вам может грозить подобное?

– Товарищ лейтенант, – директриса глупо захихикала, теребя ворот платья, – вы неправильно меня поняли. Я этих малявок люблю больше собственных детей. У меня же, кроме них, и нет никого. Зачем нам инстанции? Коллектив моего интерната прекрасно справляется со своими обязанностями. Так ведь, Алисочка, детка? Ну же, не молчи! – Лоб женщины покрылся крупными бисеринами пота.

Алиса вдруг прониклась теплотой к этому доброму мужчине. Он напомнил ей папу, образ которого почти стерся из памяти. Оставались некие неуловимые черты, даже ощущения, за которые девочка цеплялась подобно утопающему. Они даже внешне казались похожи – этот добрый милиционер и ее папа: оба высокие – ростом под самый потолок, с открытой улыбкой и мягким голосом. Только глаза у ее отца были не темно-серыми, а пронзительно зелеными, как и у самой Алисы.

– Вы пришли спрашивать про моего брата? – Алиса проигнорировала просьбу Горгульи и уставилась на милиционера. Она очень не хотела услышать положительный ответ. Пусть лучше он скажет, что это она совершила какое-то преступление или кто угодно другой, но не Влад. Она уже пережила все это год назад.

– Ты большая девочка, Алиса, тебе скоро исполнится четырнадцать лет. – Милиционер начал издали, и она сразу поняла, что попала в точку со своим предположением. – Ты должна понимать – за свои поступки нужно отвечать по совести, по закону. Понимаешь, о чем я?

– Влад никого не убивал. – Она говорила тихо, боялась расплакаться. – Он сам мне рассказал.

Милиционер напрягся. Горгулья же вылезла из-за стола и сделала то, чего Алиса никак не могла ожидать: подошла и обняла ее толстыми ручищами, пахнувшими душистым туалетным мылом. Странно, но именно запах мыла удивил девочку больше, нежели сами объятия. Она стояла каменным истуканом, боясь даже дышать.

– Мы не смогли скрыть от детей информацию, – повинилась директриса. – Ситуация вышла из-под контроля, слух разлетелся быстрее молнии.

– Понятно, – протянул тот. – Мне же проще. – Он надел на голову фуражку, прошел к окну, выглянул на улицу и лишь потом повернулся к Алисе: – Влад вчера сбежал из больницы, мы его ищем. Ты знаешь, куда он мог пойти? Может, есть какие-то родственники или тайные места, где вы вместе бывали?

Алиса молчала. Она не знала, куда мог пойти Влад. Не понимала, зачем он вообще сбежал, и только где-то внутри шевелилось странное чувство... предвкушения? Да, в их последнюю встречу брат пообещал Алисе сбежать из больницы и прийти за ней в интернат. Но тогда она решила, что он просто хотел ее успокоить. Подумала и тут же испугалась: ведь если он придет сейчас, милиционер поймает его и отправит обратно в больницу. Или даже в тюрьму!

– У нас нет родственников. Никого нет.

Милиционер смутился, понимая абсурдность своего вопроса.

– А друзья? У него были друзья, Алиса?

– Я не знаю. Может, да, а может, и нет. Последний раз я видела Влада в больнице, меня к нему возила Гор... – затравленный взгляд на директрису, – Галина Георгиевна. И она не дала нам поговорить.

Алиса умолчала о том, как попросилась в туалет, когда они покидали больницу. Директриса злилась, она спешила вернуться в интернат, но Алиса сказала, что не дотерпит и придется стирать колготки.

Влад лежал на кровати с перебинтованной головой. Он смотрел на Алису и, кажется, не узнавал ее. А потом резко заговорил о побеге, чтобы вместе уехать из города и найти Алисину маму.

Где он собирался ее искать, Алиса не спрашивала, просто поверила тогда, и даже злющая директриса, тащившая ее от больницы к автобусу едва ли не волоком, казалась лишь мелкой неприятностью.

– Я не убивал ту девушку, – сказал Влад напоследок. – Не знаю кто, но не я. Ничего не помню. Ты мне веришь?

Алиса кивнула в ответ и убежала.

– Тебе точно нечего мне рассказать? – Милиционер никак не хотел от нее отстать. Алиса переминалась с ноги на ногу от нетерпения. Пока они тут болтают, Влад может уйти, не найдя сестру.

– Мне в туалет надо. – Ничего другого придумать не получилось. Алиса покраснела.

– Иди, – смилостивился мужчина. – Но если что вспомнишь или узнаешь, сразу расскажи об этом Галине Георгиевне. Договорились?

Алиса закивала головой. В тот момент она была согласна на все, лишь бы поскорее сбежать.

Нинка сидела на стуле и ковырялась в носу. Увидев Алису, она вскочила на ноги, отряхнула руки и набросилась с расспросами.

– Мне в туалет надо, – Алиса повторила ту же версию, что и в кабинете.

– Пойдем вместе! Мне тоже надо, сижу тут жду тебя, уже сил нет терпеть.

– Ну вот и нечего было ждать, – разозлилась Алиса. Нужно как-то отвязаться от Усатовой. Будет теперь таскаться за ней целый день. Алиса хотела добавить что-нибудь обидное, чтобы Нинка сама ушла, но та вдруг подняла вверх палец, призывая к тишине:

– Слышишь?

Алиса ничего не слышала. Нинка же припала ухом к двери кабинета и жестом подозвала подругу.

– Мальчик опасен, – голос милиционера через толстую дверь едва различался, – нет никаких сомнений в его причастности к происшествию годовалой давности. Не думаю, что ваша воспитанница скрывает сведения о нем, но вы все же присмотрите за ней. Может, она куда уходит, пока никто не видит, или звонит в ваше отсутствие по телефону.

– Почему же его не посадят в тюрьму? – Это уже Горгулья. Алисе захотелось вцепиться злым в волосы или даже укусить. – Ваши указания поняла, все сделаю.

– Влад признан недееспособным, но через полгода, когда он станет совершеннолетним, я лично настою на проведении повторной экспертизы. Всего вам доброго, Галина Георгиевна.

Девочки едва успели отпрянуть от двери, когда латунная ручка дернулась и в коридор вышел милиционер.

– Уже вернулась из туалета? – удивился он, уставившись на Алису.

– Передумала, – бросила она. – Пойдем, Нина, поиграем.

Влад, сколько себя помнил, мечтал разбогатеть. Ведь тогда никто не станет обращать внимание на его внешность, никто больше не назовет презрительно уродом, а того хуже – не станет жалеть, изображая сочувствие и понимание. Он сможет уехать туда, где его никто не знает. Заберет сестру, и они вместе начнут новую жизнь. Если они никому не нужны, это еще не значит, что они не нужны друг другу.

О спрятанном в заброшенном крыле интерната кладе Влад знал давно. Он даже напросился помощником в бригаду ремонтников, когда руководство вдруг затеяло реконструкцию закрытой части здания.

Больше всего парень боялся, что кто-то найдет клад до него.

Все свое свободное время он проводил на стройке, внимательно наблюдая за рабочими; ждал, когда кто-то из них начнет вести себя странно, а то и вовсе пропадет. С большими деньгами никто не станет заниматься шабашками.

Весь день приходилось притворяться прилежным подмастерьем, не гнушаясь даже тем, чтобы сбегать в ларек за выпивкой, что для самого Влада было испытанием, как и любое появление на людях. Зато Михайлович, сторож на проходной, за пачку сигарет мог пропустить на охраняемый объект и обратно хоть черта с рогами, чего уж говорить о шестнадцатилетнем парне. Ни для кого не было секретом: воспитанники частенько бегали в город на дискотеку или просто прогуляться. Изоляция от внешнего мира была весьма условной.

Владу Михайлович помогал «в долг», а то и вовсе по доброте душевной. При этом нанятых работников шманал по полной программе, даже если те просто хотели выйти на крыльцо, так сказать, проветриться.

Вот тут и пригождался засланный казачок Владик.

В такие моменты Влад не находил себе места: авось в его отсутствие клад найдут и он окажется не у дел? С другой стороны, за покладистый характер он стал для рабочих «своим парнем» и мог рассчитывать в случае удачи хотя бы на то, что они не будут скрывать от него факта обнаружения сокровищ. Поделиться добычей не поделятся, но похвастанут точно.

Иногда Влад пробирался в пахнущее краской и пылью крыло по ночам. О, это было его любимое время. Пока весь интернат спал, он мог спокойно обыскать каждый уголок, аккуратно простучать стены, вот только в подпол попасть никак не удавалось. Он пробовал пройти через подвал, да вот беда, за несколько метров до нужного места путь преграждала кирпичная кладка, сделанная не так давно, скорее всего в советские времена, когда большую часть бывшей усадьбы перестроили и перекроили под нужды интерната.

Если верить документам, которые он откопал в здешней библиотеке, кроме дома с двумя флигелями на территории бывшей усадьбы имелся пруд, который засыпали еще при первых владельцах; несколько хозяйственных построек, конюшня и часовенка. Нетронутым оставалось лишь одно крыло, по странному стечению обстоятельств много лет остававшееся закрытым и сохранившееся практически в первозданном виде, даже куски старого паркета кое-где лежали: вздувшиеся, потрескавшиеся и все же не потерявшие благородного лоска. Под одним из таких кусков Влад и нашел свое маленькое сокровище. Сережка: на тонкой золотой цепочке, словно маятник, раскачивался кроваво-красный камень, сидящий в

изящных «лапках». Ему почему-то представился паук, ухвативший добычу, но не сумевший унести ее в свое логово, да так и бросивший на полпути.

Несколько вечеров Влад провел в здешней библиотеке, по крупицам собирая обрывки информации об усадьбе. Таковой оказалось совсем немного. Владела домом и землями вдова государственного чиновника Наталья Николаевна Завойчинская с дочерьми. О самом чиновнике не сохранилось почти никаких данных, всего-то, что был он ее мужем. Отыскалось и несколько старых фотографий. На одной из них стояла статная дама в окружении трех барышень не старше шестнадцати лет, запечатленных на фоне разрушенного ныне парадного входа. Две девушки были похожи друг на друга как две капли воды: невысокого роста, улыбчивые пышечки. Третья – высокая, тощая жердь с угрюмым взглядом и плотно сжатыми губами. Сама же Наталья Николаевна была похожа на всех троих сразу и одновременно ни на кого. Пышная фигура, не расплывшаяся, но подтянутая; пухлые губы, тронутые легкой полуулыбкой; изящный поворот головы; вздернутый тонкий нос.

С тех самых пор он потерял покой. Судя по архивным записям, чета Завойчинских не покидала дом во время революции. Не было и акта об изъятии их богатств в пользу молодого государства.

Как любое старое поместье, это хранило свой секрет. Была там какая-то темная история то ли с убийством, то ли самоубийством двоих дочерей. Их тела нашли в пруду, который после этого и засыпали. Что стало с третьей дочерью и самой Натальей Николаевной, документы умалчивали. Только на сохранившихся фотографиях некогда пышная дама походила уже больше на оживший скелет, нежели на человека. Была она в компании тощей девицы, ставшей еще уродливее с годами, и маленькой лохматой собачонки. Собачку держала на руках девушка лет семнадцати. По простой одежде было ясно – она из прислуги. И все же именно она привлекла самое пристальное внимание Влада, потому как оказалась почти точной копией его сводной сестры. Конечно, похожих людей немало, а если приглядеться, то сходство девчонки с Алисой весьма отдаленное. Но Влад в каждой мелочи видел теперь перст судьбы.

Судя по найденной описи имущества, проведенной управляющим поместьем, среди прочего хлама значилось изделие работы известного в то время ювелира Петра Старостина: «пара серег: четырех граммов золоту, да рубины по три карата в золотой же оправе». Как раз такие носила одна из сестер-близняшек. А если нашлась сережка, значит, где-то обязательно припрятаны и другие драгоценности.

Влад не хотел думать о потерявшихся, сгоревших или просто несоставленных документах и отчетах, он подхватил золотую лихорадку, полностью им завладевшую.

– Эй, малой, завтра полы вскрываем. – На плечо Влада легла тяжелая рука. – Пыли будет много, ты не приходи. Бывает еще и плесень опасная. Тут лет двести никто ничего не трогал.

Имени Якута никто не знал, только прицепившуюся намертво кличку. Он был единственным, кто смотрел на Влада без брезгливой гримасы, охотно жал руку и все время улыбался. Может, потому, что и сам был уродом: красноглазый, с белоснежными волосами, отросшими до плеч.

И все же он научился относиться к Якуту нормально, почти по-дружески, чего не позволял себе с другими. Людей нельзя подпускать слишком близко, они обязательно воспользуются этим, чтобы нанести сокрушительный удар в самый неожиданный момент. Якут не был опасен. И пусть чувствовалась в нем потаенная сила, даже мощь, Влад его совсем не боялся.

Теперь же его буквально затрясло: от нетерпения и накатившей злости. Он ждал этого дня почти полгода. А ему предлагают посидеть в стороне, пока другие поделят его сокровища.

Его сокровища. Никому не отдаст!

Думать об этом было сладко и невыносимо одновременно. Горло сдавливало, воздух выходил из легких с громким свистом. Так всегда бывало, если Влад чего-то сильно хотел. Его нетерпение обретало плотность, щетинилось острыми иглами вожделения, просилось наружу. Не находя выхода, мучило, доводило до иступления, делало раздражительным и агрессивным.

Рука Якута, оказавшись в жестком захвате, громко хрустнула, сам он вскрикнул, припадая на одно колено.

– Ты чего творишь! – Влад почувствовал, как его оторвали от пола, оттащили в сторону и бросили на пыльном полу. Поскуливающий Якут баюкал сломанную руку, висевшую плетью вдоль тела. – Мужики, гляньте, у него глаза кровью налились.

Влад не сразу понял: говорили про него. Перед глазами встал кровавый туман, сквозь который происходящее виделось ненастоящим, преувеличенным, придуманным. Деревянный пол с кусками старого паркета покрылся мелкой рябью, точно озерная гладь в ветреную погоду, затем и вовсе стал полупрозрачным, открыв подвальное нутро. Влад замороженно наблюдал, как поместье само раскрывает ему свои тайны. Даже дышать перестал.

Его разочарование оказалось столь же велико, как и ожидание. Паутина, грязь, обломки старой мебели и бутылочные стекла – вот и всё *его сокровище*. Кто-то побывал здесь до него, опередил, обманул. Он в бессилии опустил вмиг отяжелевшие веки, навалилась страшная усталость.

Вдруг в голове раздался страшный рык. Влад распахнул глаза и увидел прямо перед собой медвежью морду с желтыми клыками, каждый длиной и толщиной в два его пальца. Лицо обдало смрадное дыхание, сердце ухнуло в пятки.

А потом все стихло.

Туман рассеялся. Влад смотрел на дыру в полу. Самую обычную, без всякой мистики. Его все еще держали с двух сторон, но он больше не пытался вырваться. Смысла не было.

– Вот ведь зараза! – выругался кто-то из рабочих. – Еще бы шаг, я бы сам в эту яму провалился. Сколько мы здесь уже, чего пол вдруг сейчас рухнул?

– Доска гнилая. – Якут все еще держался за руку и бросал гневные взгляды на Влада. – Сто раз пройди, на сто первый треснет. Надо новую заказывать да перестилать от греха. Ребятишки сюда постоянно шастают, сколько им ни запрещай.

* * *

Он так и не пришел. Алиса прождала брата неделю, часами просиживая в каптерке старого Михайловича, слушая его рассказы о жене, детях и внуках. Девочка машинально кивала, улыбалась, когда сторож начинал смеяться. Суть разговора до нее не доходила, все мысли были о Владе.

Алиса боялась, что он мог пострадать: попасть под машину, нарваться на банду хулиганов или просто потеряться.

Несколько раз в день приходила Горгуля, уводила ее в столовую, заставляла спать в

тихий час. Алиса капризничала, вырывалась, но в итоге сдавалась. Тихий час она не любила особенно. Сон к ней не шел, как Алиса ни старалась зажмуривать глаза. А с соседней кровати безмятежно улыбалась Нинка, и Алиса завидовала этой ее беззаботности. У Нинки не было совсем никого, а значит, и ждать ей было нечего. Завидовала и тут же жалела беспутную Нинку. Человеку обязательно нужен кто-то, кого можно ждать, пусть даже очень долго; с кем можно поделиться радостью или же, напротив, грустью. Ведь близкие для того и есть, чтобы принимать тебя любим. Так думала Алиса.

Сразу после тихого часа она бежала к Михайловичу. Сторож, увидев девочку, торопливо тушил сигарету и протягивал яблоко, точно зная – полдник та пропустила. Потом он уходил, ненадолго оставляя Алису одну. Девочка грызла яблоко и плакала, пока хозяин каптерки не возвращался. Всегда немного повеселевший, с блестящими глазами.

– Все ждешь, егоза. – Михайлович обращался с Алисой по-взрослому. Он не смеялся над ней и, кажется, одобрял. – Твой брат хороший парень, хоть и баламут, конечно.

Кто такой баламут, Алиса не знала, но на Михайловича не обижалась. Не мог он, похожий на доброго дедушку, говорить о ком-то плохо. Она кивала, едва сдерживая подступающие слезы, отдавала огрызок яблока и слушала длинные разговоры.

На восьмой день сам Михайлович, смущаясь, попросил Алису больше не приходить.

– Ты вот что, милая, не надо тебе тут со стариком дни просиживать. Если он придет, я сам тебя найду, даже не сомневайся. Мимо меня муха не пролетит.

Алиса послушалась, хоть и проплакала всю последующую ночь.

* * *

...мама гладила Алису по волосам и плакала.

– Ты обязательно поймешь меня, когда вырастешь. И я тебя не бросаю, просто с папой тебе будет лучше, поверь мне.

– Откуда ты знаешь, с кем мне будет лучше? – Алиса вцепилась в мамину руку мертвой хваткой. – Мне с вами обоими хорошо. Зачем тебе уезжать, мамочка? Пусть будет как раньше.

В комнату вошел папа, и Алиса обрадовалась его появлению. До этого он три дня не разговаривал с мамой, обижался, злился. Но когда папа заговорил, девочка поняла: ничего уже не будет как раньше.

– Светлана, такси приехало. Я помогу тебе с вещами.

Алиса почувствовала, как под ее ногами проваливается пол, а сама она летит в глубокую яму, у которой нет дна, только черное голодное нутро, похожее на пасть злобного чудовища. Она падала, а мама стояла на краю ямы и улыбалась. Алиса тянула к ней руки, но не могла ухватить даже за полы длинного пальто.

– Мама! – Собственный крик слышался словно со стороны. Алиса хотела бежать за мамой, удержать ее, остановить. Вот только ноги болтались в воздухе, а сама девочка не двигалась с места. Откуда-то издалека до нее доносился голос папы:

– Иди уже, Света, не видишь – у ребенка истерика. Сама как-нибудь с вещами справишься.

Мамин силуэт вдруг начал таять, покрываться серою дымкой, пока не исчез вместе с очертаниями квартиры.

Алиса достигла дна, хотя и думала, что его не существует. Она сама стала частью ямы:

холодной и пустой. Сюда, на дно, не долетало ни единого звука, не проникал свет. Только постоянный холод и ноющая тоска. Зато здесь не было боли, даже она не могла пробиться на такую глубину. И когда невидимая сила потащила Алису наверх, девочка не захотела покидать уютного нутра своего убежища. Она все решила: останется в яме навсегда.

Ее все же подняли на поверхность. Выдернули из уютной темноты, не спросив согласия. Звуки набросились на Алису злобными волками: вгрызались в уши; рычали до хрипоты, срываясь то на визг, то в протяжный вой. Сквозь плотно сомкнутые веки пытались пробиться черные тени: приближаясь и отдаляясь, они кружили рядом... ждали. Чего именно ждали, Алиса не знала, она всеми силами старалась вернуться туда, откуда ее забрали. Но с каждым новым усилием все более отчетливо понимала: вернуться не получится.

Боль возвращалась постепенно, но неотвратимо, будто не могла простить бегства Алисы на дно ямы, куда ей самой вход был заказан. Боль обильно сыпала из мешка семена воспоминаний, удобряла благодатную почву непролитыми детскими слезами, получая щедрые всходы. Зеленые ростки, едва показавшись на поверхности, покрывались ядовитыми шипами, темнели и высыхали, но все же продолжали расти. Колючие плети тут же врезались под кожу: по венам с кровью тянулись к сердцу, заключая его в паутину-клетку.

Алиса выгнулась всем телом, закричала. Боль в ответ ошетибилась, зашипела, но не отступила, наоборот – стала сильнее, злее и опаснее. Чьи-то руки давили Алисе на грудь, вжимая ее в жесткий матрас, казавшийся после пребывания в «яме» пушистым облаком.

– Мама. – Язык двигался во рту куском наждачной бумаги. – Где мама?

– Тише, милая, – голос был незнакомым, и Алиса испытала нарастающую панику.

– Больно.

– Потерпи, скоро все пройдет. – На лоб легла прохладная рука. Алиса почувствовала, как снова проваливается в яму.

На этот раз дна удалось достичь быстрее, но больше не было спасительной темноты: из трещин в стенах лился едва различимый свет, а тишина не казалась абсолютной.

Позже папа рассказывал, что Алиса потеряла сознание, когда их бросила мама, и почти месяц не приходила в себя. Врачи пожимали плечами, не находя патологий.

– Девочка не хочет выходить из своего состояния, – виновато объяснял молодой доктор и добавлял: – Защитные реакции мозга не изучены полностью. Кто-то просто замолкает, реагируя на стресс, кто-то начинает много есть, а ваш ребенок спит. Конечно, назвать данное явление сном можно лишь условно, но она совершенно здорова и вам остается только ждать, когда ваша дочь сама решит вернуться.

В следующий раз она пришла в себя уже дома. Боль верным псом улеглась у порога, не ушла, просто притаилась: прядет ушами, смотрит через полуопущенные веки и напоминает о себе слабым рыком, приподняв верхнюю губу.

В комнате Алиса оказалась одна. На тумбочке горел ночник – папа всегда оставлял светильник включенным, пока она не засыпала – разгоняя по углам тени. Они так и не добрались до нее: ни там в яме, ни теперь.

Где-то в глубине квартиры работал телевизор, с улицы раздавались крики, а в нос настойчиво пробирался запах хвои и мандаринов. Алиса опустила босые ноги на пол, утопая ступнями в высоком ворсе ковра. Попыталась осторожно встать и сразу плюхнулась обратно на кровать. Голова кружилась, а притаившаяся боль задрала клыкастую морду, предупреждая зарычала.

Вторая попытка была куда удачнее, и, прежде чем упасть, Алиса смогла преодолеть

больше половины пути. Ковер смягчил падение, было совсем не больно, скорее обидно.

Когда пальцы наконец коснулись дверной ручки, девочка почувствовала прилив сил, уверенно потянула дверь на себя.

Папа спал в кресле перед включенным телевизором. В углу стояла неукрашенная елка. Раньше они наряжали елку втроем. Папа доставал с антресолей большую коробку с игрушками, и начиналось волшебство. Кроме шаров и шишек, мама всякий раз вешала на колючие ветки самые настоящие мандарины, которые потом можно было срывать и есть. Затем папа поднимал Алису на руки, и она торжественно водружала на верхушку звезду.

Теперь же елка была похожа на бедную падчерицу, которую злая мачеха выгнала под Новый год из дома: неопрятная, всеми забытая. Старая коробка с украшениями так и осталась пылиться на антресолях. И лишь на самой нижней ветке висел одинокий мандарин.

Алиса подошла к елке осторожно, чтобы не разбудить папу, присела на пол, протянула руку к оранжевому фрукту и в этот момент услышала шорох за спиной. Девочка вздрогнула и обернулась. В проеме двери стояла темная фигура: свет бил ей в спину, поэтому невозможно было разобрать лица, лишь очертания силуэта: невысокая, стройная, с пушистым ореолом волос.

– Мама? – Сердце девочки екнуло. – Mamочка, ты вернулась!

Она вскочила на ноги, едва не споткнувшись, подбежала, но обняла колени совершенно незнакомой женщины. Почувствовав, как чужая рука гладит ее по голове, Алиса отшатнулась, натолкнувшись спиной на препятствие. В ту же секунду пол провалился, а потолок, наоборот, приблизился настолько, что – протяни руку, и можно коснуться беленой поверхности. Алиса с тоской посмотрела на сиротку-елку и вдруг подумала, что они с ней очень похожи. Она все поняла, не глупая. У Мишки Спиридонова дома было точно так же. Только его мама умерла, и папа через некоторое время привел новую тетеньку, которая теперь заставляет Мишку называть мамой ее.

– Солнышко мое, ты проснулась! – Папа кружил Алису по комнате, подбрасывал в воздух и тут же ловил, прижимал к груди, будто боялся, что она исчезнет. А Алиса скучала по своей уютной яме, она все еще хотела вернуться в ее спокойное нутро. – Как же ты меня напугала! Я не хотел встречать Новый год без тебя.

Уже через пять минут на полу возле елки стояла раскрытая коробка с игрушками. Папа достал первый шар и, улыбаясь, протянул его Алисе. Вместо того чтобы взять предложенное, девочка подошла к мужчине совсем близко и прошептала на ухо:

– Мама ведь вернется, не заставляй меня называть так чужую тетеньку. У Мишки все по-другому, и он вообще дурак. Обещаешь?

Папа посмотрел на застывшую в дверном проеме женщину. Алиса проследила за его взглядом и заметила, как та едва уловимо улыбнулась и кивнула.

– Пойми, золотко, – папа положил шар обратно в коробку, – у взрослых все очень сложно. Оксана, – он замешкался, – тетя Оксана хорошая. Скоро к нам приедет ее сын Вадим, ты обязательно с ним подружишься.

– Игорь, – вмешалась в их разговор молчавшая до сих пор женщина, – уже половина двенадцатого, давайте скорее нарядим елку и сядем за стол, у меня все давно готово. И моего сына зовут Влад. Пора бы уже запомнить. – Последние слова она произнесла сквозь зубы, будто пыталась проглотить невкусную конфету.

Чтобы сгладить неловкость, женщина схватила первую попавшуюся игрушку из коробки и торопливо прицепила ее на ветку. Петелька, удерживающая серебристую шишку,

соскользнула и игрушка с тихим звоном разбилась, разлетевшись на множество осколков. Алиса замерла. Это была любимая мамина игрушка, доставшаяся ей еще от бабушки. Она берегла ее как самое настоящее сокровище, не позволяя никому ее трогать, даже папе.

– На счастье, – неуверенно хихикнула тетя Оксана, заметив напряженные лица Алисы и ее папы. – Да что вы такие кислые? Новый год же! Алиса вон очнулась после месяца сна. Радоваться надо!

Пауза затянулась. Алиса смотрела на разбитую шишку, чувствуя, как в глазах закипают слезы. Противная тетка специально разбила именно мамину игрушку. Она все знала и выбрала именно шишку, несмотря на то что в коробке было полно других украшений.

– Знаешь, Игорь. – Она поднялась с колен, поправила задравшуюся юбку и резко замолчала, сжав кулаки. – Я ухожу! Новый год праздник семейный, вот я и встречу его с семьей.

– Куда ты пойдешь, Оксана! Ночь на дворе, общественный транспорт уже не ходит, а таксисты ломают заоблачные цены. Останься, прошу тебя! – И, повернувшись к дочери, почти выкрикнул: – Алиса, да что с тобой?

Алиса чувствовала стыд, не понимая почему. Она ведь ни в чем не виновата! И ей совершенно не ясно, зачем уговаривать противную тетку остаться, если она сама решила уйти? Одновременно девочка была уверена – папе почему-то очень важно, чтобы гостья осталась. И как бы тяжело ей не было, Алиса тихо попросила:

– Не уходите, тетя Оксана.

На этот раз замолчали уже взрослые. Женщина некрасиво выпучила ярко покрашенные глаза, открыла рот и развела в стороны руки. Папа тут же воспользовался ее заминкой и усадил обратно к елке, сунув под нос небьющийся пенопластовый домик, усыпанный блестками.

– Давайте как-нибудь без меня. – Тетя Оксана вернула домик и стряхнула с рук прилипшие блестки. – Я пока на стол накрою.

Алиса заметила, что папа облегченно выдохнул, но ничего не сказала, и после вялых уговоров женщина все же отправилась на кухню.

Елка получилась чудо как хороша. Вот только единственный мандарин Алиса сняла с ветки и сунула в карман пижамы. Папа все понял, обнял ее и переключил канал на тот, где показывали мультфильм.

Мандарин Алиса положила под подушку и загадала самое главное желание: чтобы мама поскорее вернулась.

...Алиса вынырнула из воспоминаний, точно из холодного озера. В ушах еще плескались обрывки фраз, перед глазами стояли мутные образы из прошлого.

Ее теребила неугомонная Нинка. Девочка что-то тараторила, строя рожи и активно жестикулируя.

– ...забирает меня домой! – услышала Алиса окончание фразы, а Нинка уже тащила ее куда-то.

– Нина, подожди! – Девочка вырвалась из захвата и сердито уставилась на подругу. – Я никуда не пойду, пока ты мне толком не объяснишь, что произошло.

– Вот ты тетеря глухая! – беззлобно бросила та. – Отец за мной приехал, домой забирает. Ты за меня рада?

– Как отец приехал? Ты ведь говорила, он умер.

Алиса поежилась, хотя никакого сквозняка не было. Могла Нинка придумать эту невероятную историю? Могла. Только вот зачем? Вряд ли чтобы разыграть ее.

– Не веришь, что ли? – проницательно заметила девочка, хмуря черные густые брови. – Пойдем, он у Горгульи в кабинете сидит, сама увидишь.

Алиса послушно пошла за ней, подспудно ожидая какой-то гадости. Ноги почему-то дрожали и подгибались, точно некая сила не хотела, чтобы она шла за Ниной.

– Ты только это, – Нина замешкалась, и Алиса поняла – сейчас она скажет: я разыграла тебя, а ты поверила. Затем рассмеется громко и побежит хвастать, как она ловко провела наивную дурочку, – не ляпни при нем, о чем я тебе рассказывала. Не помер тогда батя. Вынули его из петли, в психушку отправили, а меня сразу в детский дом хотели отдать, только я сбежала. Все остальное – чистая правда.

В кабинете директрисы действительно оказался мужчина, вокруг которого Горгулья хлопотала курицей-наседкой: подливала чая, двигала вазочку с вареньем и непрестанно улыбалась.

Алиса рассматривала его через замочную скважину, а нетерпеливая Нинка постоянно дергала ее, требуя освободить «наблюдательный пункт».

– Это точно твой отец? Мне кажется, я видела его раньше. Очень знакомое лицо.

– Может, и видела. По телевизору! – Нинка нарочито небрежно пожала полными покатыми плечами. – Он нынче богатенький Буратинка. Уж не знаю, на чем смог подняться, да только сразу понятно – при деньгах, вон костюм какой красивый.

Костюм действительно был красивым и мужчине очень шел. Сам мужчина сидел, небрежно закинув ногу на ногу, и кивал в ответ на быструю речь директрисы. Алиса не могла расслышать, о чем они говорят, но очень хотела. И дело даже не в том, что она все еще не верила Нинке. Чувство узнавания, похожее на зуд, от которого никак не получается избавиться, засело в голове цепкой занозой. Ей было важно вспомнить – где и при каких обстоятельствах она видела этого человека, будто от этого зависело что-то очень серьезное.

– Хочешь я вас познакомлю? Ты ведь моя подруга, Алиска! – У Нины вспыхнули глаза – верный признак того, что она все для себя решила и согласия ждет, лишь бы соблюсти формальность.

Так и вышло. Не успела Алиса рта раскрыть, как Нинка постучала в дверь кабинета и, не дождавшись ответа, вошла, затащив с собой девочку. Алиса почувствовала, как краснеет. Хорошо же она, должно быть, выглядит сейчас: ворвалась в кабинет директрисы без разрешения, да еще уставилась во все глаза на незнакомого мужчину, который в ответ точно так же изучал ее.

– Нина, ты пришла, – расплылась в самой доброжелательной улыбке, на которую только была способна, Горгулья. – Я час назад за тобой мальчишек отправила. Где ты так задержалась? – Приказной тон все же пробивался сквозь приторную патоку.

– Галина Георгиевна, я...

Нинка не успела ничего сказать в свое оправдание, ее перебил молчавший до сих пор мужчина:

– Нина, познакомь меня со своей подругой. – Он встал, опираясь на трость, которую до этого Алиса не заметила, и, не дожидаясь ответа, протянул в приветствии руку: – Меня зовут Виктор Сергеевич. А тебя?

– Это Алиса Маркина. – Горгулья встала между Алисой и предположительным отцом Нины, словно пытаясь выстроить между ними стену.

– Я, кажется, не к вам обращался, Галина Георгиевна. – Горгуля глупо хихикнула, на ее обвисших щеках проступили красноватые пятна. – Так как твое имя?

– Алиса.

– Алиса. – Мужчина повторил имя, причмокнул губами и слегка прищурился, будто пробовал звуки на вкус. – Выходит, ты подруга моей дочери?

«Значит, не обманула Нинка. Бывают же такие чудеса в жизни», – подумала Алиса и кивнула.

Мужчина сел в кресло, вытягивая вперед правую ногу, поморщился как от боли. И тут Алиса вспомнила. Ровно год назад в этом самом кабинете она уже встречалась с этим мужчиной. На нем был точно такой же белоснежный костюм, как и сейчас.

Вот только правая брючина тогда оказалась насквозь пропитанной кровью.

– Яшка, не доедем мы, останови! Плохо мне, родненький, ой как плохо! – Пузатая баба с блестящим от испарины лбом сползла в бричке на пол, упершись руками в край сиденья.

Возница глянул на нее через плечо, поморщился так, будто сам он сейчас корчился в предродовых муках. Помочь он ей ничем не мог, тут лекарь нужен. А откуда лекарю тому среди леса взяться? Вот и приходится пустыми словами успокаивать бедняжку. Не шибко оно помогает, да хоть что-то, чем ничего.

– Наталья Николаевна, недалече осталось, вон уж лесок редееет, а там до дому рукой подать.

Он врал. Лес и не думал расступаться. Напротив, стал вдруг еще темнее да гуще. А тишина опустилась такая страшная, что захотелось ему и вовсе оглохнуть, только бы ее проклятую не слушать. Тишину, стало быть, а не хозяйку. Страх прицепился репьем придорожным, не стряхнуть его, не оторвать от себя. Никак леший безобразничает? Слыхивал Яшка от других мужиков, мол, бывает так – не взлюбит тебя вдруг царь лесной и, как ни старайся, ужю не выберешься. Станешь служить ему до конца века вороном, а то и пнем трухлявым.

Яшка перекрестился торопливо, молитовку зашептал. Наталья Николаевна к тому моменту вся на крик изошлась, примолкла. Вовсе чувств лишилась или попустило вдруг, все одно – облегчение. А среди деревьев мелькнул невзначай огонек. Мелькнул и снова потух. Точно манил его, Яшку, кто-то. Тут уж тот страх, что раньше был, плясками масленичными показался – чучело соломенное только с виду страшное, внутри пустое. Да и сожгут его в конце, всякому известно. А вот кто там в темноте огоньками светит, поди еще разбери. Станет ли добрый человек в сумерках по лесу шастать? – да не в жизнь! Чего бы ему тут делать, ежели только не разбойник али еще какой супостат?

Затрясло Яшку как от сквозняка, а руки будто и не его стали: правят кобылку прямоком на огонек. Язык так и присох к нёбу, не пошевелить им, не сплунуть – морок окаянный. Ели как живые расступаться начали, со скрипами да стонами; бричка же точно на воду встала, таким мягким вдруг сделался ход.

Огонек разгорался все ярче, пока не показался из-за стволов вековых костерок, возле которого сидел могучий мужик да палкой угли ворошил. Угли шипели, потрескивали, выпуская к небу столп алых искр. Огонь, точно послушный велению мужика, то вспыхивал, то вдруг к земле ластился, к сапогам подбирался, будто лизнуть хотел.

– Вот ведь чертовщина! – оттаявшим языком выдал Яшка.

Мужик оглянулся, словно не слышал, что бричка к нему все это время катилась, лошадка под его тяжелым взглядом замерла каменным изваянием, всхрапнув напоследок.

– Черта без лишней надобности не поминай, – заговорил мужик хриплым голосом, – появится, сам не рад будешь.

Заросший по самые глаза седою густою бородой, мужик смотрел на Яшку раскосыми глазами-щелочками, в которых пламя от костра отражалось, вспыхивало и плясало словно живое. Яшка грешным делом решил – сам Леший перед ним явился, даже шапку с маковки стянул, приветствуя царя леса. А тот вдруг голову запрокинул, рассмеялся, за живот держась. Потом махнул на Яшку рукой и к бричке двинулся.

– Тяжелая. – Тронул живот Натальи Николаевны и тут же дернулся, как обжегся.

«Чудной! – подумал Яшка. – Только вот едва ли не угли жрал, а бабы беременной забоялся».

– Куда же ты ее повез в таком положении? Ей рожать срок пришел, а ты в лес. У, тетерев пустоголовый!

Яшка хотел возразить в ответ да только понял – прав этот странный мужик. Ведь мог он хозяйку отговорить и не увозить из города. А если бы та в дороге опросталась, чего бы он делать стал?

Точно услышав его мысли, Наталья Николаевна глазищи распахнула, уставилась на рожу косматую, как на чудо какую-то, и рот раззявила в немом крике. Яшка всполошился: вот сейчас она разволнуется, шум поднимет и уж точно родит прямо в бричке.

Может, и хотела хозяйка заорать, только мужик вдруг палец ей к губам приложил – она и присмирела, а в следующий миг уже взобрался на козлы, потеснив возницу. Выхватил у оторопевшего его вожжи, да так стеганул кобылку, что та едва ли не на дыбы встала и понесла. От испуга Яшка во все глаза уставился на бородатого, рассмотрев его наконец во всех подробностях. Был тот не из местных: кожа бледная, почти прозрачная, как первый ледок на реке; глаза узкие, будто щурятся постоянно, и цвета необычного – в красноту отдают; борода белая, да не седая.

Яшку мороз пробрал, хоть и зной весь день стоял, не успела земля еще простыть. Парень зажмурился, не зная от чего больше: то ли от езды быстрой среди деревьев, то ли от своего страшного попутчика. Человек ли перед ним? Не к месту вспомнились дедовы байки про Дикую Охоту, когда сама Смерть – вот так же на конях по лесам скачет, жатву кровавую собирает. И только теперь Яшка догадался обернуться. Наталья Николаевна лежала в бричке, дышала ровно и улыбалась во сне. Как ее угораздило заснуть в такой час? Неужто околдовал ее бородатый? Как же быть теперь?

Долго ли они ехали, Яшка не понял, только лошадка вдруг встала. Мужик с козел на землю спрыгнул, посмотрел на Яшку будто с укором и заговорил:

– Чего расселся? Помогай давай барыню твою в дом затащить.

Дом у бородатого оказался добротный, с просторной терраской, крепким крыльцом. А ставни какие! Искусный мастер дерево резал: птицы да зверье того и гляди на тебя с этих ставень прыгнут. Яшка залюбовался, да чуть было не прозевал порожек, о который едва не споткнулся. Бородатый глянул насмешливо, перехватил Наталью Николаевну поудобнее под руки, шагнул в дом.

Внутри стоял тяжелый дух: смесь целого роя запахов, в котором Яшка сумел различить полынь и топленый барсучий жир. Кто же все-таки таков этот мужик? И почему Яшка его бояться совсем перестал? Вон и хозяйку без опаски вместе с ним в хату тащит.

Наталья Николаевна меж тем в себя пришла, застонала жалобно.

– В светелку не надо ее, давай-ка сюда. – Бородатый распорядился Яшкой будто был он его личный холоп – не иначе. Но у парня внутри было спокойно, не чувствовал он больше опасности от здоровяка.

Бородатый толкнул неприметную дверцу, из-за которой тут же пахнуло какими-то травами, коих Яшка никогда не нюхивал. В полной темноте, ориентируясь только на голос хозяина дома, они уложили Наталью Николаевну на лежанку. Может, и не лежанка то была вовсе, но скрипнула вроде, и тут уж Яшка совсем успокоился. Размяк. Так бы и рухнул на пол, если бы сильные руки не подхватили уже его самого. От бородатого пахло табаком и кострищем, а силищи в нем оказалось, как у медведя. И чего просил подсобить, когда сам мог

вместе с брочкой и им самим хозяйку в дом допереть.

– Ей полежать надо, – кивнул бородатый, подтолкнув Яшку к выходу и притворяя дверь. – Скоро уж от бремени разрешится. А мы с тобой успеем поговорить. – И, заметив голодный Яшкин взгляд, добавил: – В печи каша, сам себе положи, мне силы еще понадобятся.

Дождавшись, когда Яшка доест кашу, оближет ложку и с тоской глянет на полупустой чугунок, бородатый начал допрос:

– Ну рассказывай: куда ты с бабой беременной через лес потащился? Если бы я вас не перехватил, аккурат в трясины бы угодили.

– Так в Медвежьи Озера, усадьба там у Натальи Николаевны имеется, – пропустив мимо ушей упоминание трясины, бесхитростно делился Яшка. Он этот лес как свои пять пальцев знает – нет здесь трясины и не было никогда. – Я просил ее в городе остаться, она упрямая, ни в какую. Хочу, говорит, дома рожать и все тут.

– Медвежьи Озера говоришь. – Бородатый задумался. – Занесло тебя дружже. Медвежьи Озера, почитай, в двадцати верстах отсюда, да по прямой дороге. Ты как заблудиться-то смог?

– Вы, верно, пошутить надо мной решили, дяденька? – Яшка раздулся индюком. – Какие двадцать верст? Мой батя в этом лесу зайцев стрелял, я все детство с ним прошатался. С закрытыми глазами отовсюду выйти смогу.

– Ты вот что, – примирительно поднял руки бородатый, – не петушись мне тут, а лучше подумай, если бы лес был тот самый, как бы ты в нем заплутал? Вспомни, может, свернул где не туда?

– Не мог я не туда свернуть, – продолжал упрямитесь Яшка, а сам уже про себя смекнул: могло быть такое! Они же как выехали, Наталья Николаевна все смеялась, вспоминая, как в театру ходила. Будто какой-то граф до того перебрал в буфете коньяку, что сам на сцену полез да начал актерам советы раздавать. Вроде как не по правде они все говорят, не верит он им, хоть тресни. Ну и отвлекся Яшка от дороги. Но признаваться в этом никак не хотелось. – Не мог, и все тут!

Неизвестно куда бы ушел их разговор, но скрипнула дверь, и из-за нее вышла Наталья Николаевна: бледная, что молодой месяц, руки дрожат, а по подолу пятно кровавое расплзается.

Яшка бросился было к хозяйке, когда дорогу ему перегородил бородатый. От испуга Яшке почудилось, будто стал тот выше ростом и в плечах шире. Вместо лица и вовсе морда медвежья проступила. Привидится же такое!

– Сиди тут, – прорычал он, – я ей помогу.

– Да как же! Лекарь нужен ведь!

– Где я тебе лекаря посреди леса возьму? – Бородатый точно повторил недавние мысли самого Яшки. Он уже успел отвести роженицу обратно в каморку и вернуться. Подхватил с печи бадейку с теплой водой – когда только успел согреть? – и исчез за дверью, плотно прикрыв ее за собой.

Яшка весь извелся в ожиданиях. Из каморки сперва не доносилось ни звука, он даже приложил ухо к двери, но так ничего и не расслышал. Снова за стол уселся, голову руками обхватил, волосы взъерошил. И только когда Наталья Николаевна заголосила, не стерпел, рванул на помощь, вот только дверь с другой стороны заперта оказалась.

Яшка колотил в дверь кулаками, затем и ногами, а его будто и не слышали. Крик хозяйки

оборвался, и уже через мгновение раздался детский плач. Яшка так и сполз по двери в облегчении. Уселся на полу и разрыдался. Кто увидит – стыда не оберешься, взрослый парень, почти девятнадцать годков, воеет белугой, только губы сами в улыбке растягиваются. И как не радоваться, когда обошлось все? Теперь уж они домой втроем поедут. Хозяин рад будет, давно он наследника ждал, вот господь и смилостивился.

Короткий женский крик заставил Яшку вздрогнуть. Он вскочил на ноги, снова припал ухом к двери.

Ничего не разобрать. Лишь детское кряхтение да спор шепотом. Хозяйка о чем-то говорила с бородатым.

Дом в лесу они покинули уже через два дня. Наталья Николаевна старалась держаться, хотя ноги ее едва несли. Яшка грешным делом подумал – к упырю они забрели, вон всю кровь из хозяйки выпил, не бывает живой человек таким бледным. Едва усевшись в бричку, велела она гнать побыстрее. На бородатого даже не взглянула на прощанье. Он и сам глаза прятал, да бороду все поглаживал.

Когда выехали на прямую дорогу, Наталья Николаевна наконец заговорила:

– Не была я беременной, Яшка. Болезнь у меня случилась, которую в городе вылечили. Для того я туда и ездила. Только попробуй кому сбрыхнуть, что в лесу два дня провели, с живого шкуру спущу. Понял меня?

Яшка кивнул. Да и как не понять, когда они домой вдвоем возвращаются, а за домом бородатого маленький холмик с крестом появился.

Участковый заявился на следующий же день после выходки Влада. Усадил парня на стул и кружил вокруг него подобно голодной акуле.

– Так как ты говоришь, – участковый раскрыл папку, быстро пробежался глазами по написанному, – тот мужик сам себе руку сломал? С подоконника спрыгнул и аккуратно на нее приземлился?

– Со стремянки.

– С какой стремянки?

– Якут со стремянки упал. Я вообще этого не видел, мне потом рассказали. – Влад уже знал, работяга его не сдал. Почему не сдал – не понял, но даже зауважал в тот момент.

Горгулья накануне вечером вызвала парня в кабинет, где его ждал хмурый рабочий с забинтованной рукой. Увидев Влада, гастарбайтер стал вовсе чернее тучи, взгляд отводил, молчал.

– Вот, полюбуйся, – шипела директриса, указывая ладонью на притихшего мужчину, – видишь? Сколько раз я тебе говорила не ходить на стройку? А если бы не он, а ты руку сломал? Как бы я оправдываться стала? Ну чего ты молчишь, Кузнецов? Нечего сказать?

– Отпустите малого, – хрипло заговорил Якут, не поворачивая головы в их сторону. – Мы уже от начальства нагоняй получили. Завтра доска придет, пол перекроем и на этом распрощаемся. Дальше крутитесь, как хотите.

– Доска у него придет! – взбеленилась Горгулья. – Да мне ваш ремонт даром не нужен. Все равно в том крыле размещать некого. Стояло оно закрытым сто лет, и еще столько бы простояло. Теперь у меня дети туда как на экскурсию ходят. Медом, что ли, им намазано!

– Малого отпустите, – уже более настойчиво. – Я со стремянки упал, он тут ни при чем. Если спросит кто, всей бригадой подтвердим – не было его с нами.

– Поздно. – Директриса в бессилии опустила на стул, промокнула вспотевший лоб носовым платком. – Весь интернат гудит о провалившемся паркете. Каждому рот не заткнешь. Дети молчать не станут.

– Не было его с нами, – как заевшая пластинка твердил Якут. – Если и был, значит, воды приносил. В той части здания водопровода нет.

И теперь Влад с точностью повторил вчерашнюю версию для участкового.

– Да ты не бойся, малой, – рука участкового сжала его плечо, – говори, как было. Работал ты наравне с остальными, денег тебе не платили, скажи еще спасибо руки не ломали, как альбиносу вашему.

– Я вам не малой. – Влад дернул плечом, отчего то отдалось резкой болью, все же вчера и ему досталось. – Как было сказал, больше мне добавить нечего.

– Ну-ну. – Страж порядка настаивать не стал. – Если все же вспомнишь чего, звони, не стесняйся.

Влад молча поднялся и вышел из кабинета директрисы. Сама Горгулья сидела в коридоре, теребя ворот сарафана. Из открытого настежь окна тянуло вязким зноем. Всего десять утра, а жара уже стояла невыносимая. Если такое пекло в начале июня, что же будет дальше?

Увидев своего воспитанника, женщина засуетилась. Подошла, ощупала его, точно

проверяя на целостность.

– О чем говорили?

– А это, гражданочка, не ваша печаль. – Наглый голос участкового заставил ее вздрогнуть. – Если понадобится, мы и с вами побеседуем.

– Мне скрывать нечего, – тут же огрызнулась директриса.

– Может, и так. Но проверить я все же обязан.

Влад так и не понял, чего от него пытался добиться участковый и зачем вообще приходил. Даже если бы Якут заявил в милицию, что с него взять? В тюрьму не посадят, потому как несовершеннолетний, штраф платить не с чего. Потрепали бы нервы для приличия и отстали. А вот Горгуля явно напряглась. Хотя и до нее Владу не было никакого дела. Его заботили другие, куда более важные проблемы.

Крыло теперь закроют, может, даже охрану выставят, как уже делали однажды. Наверняка того же Михайловича. С ним договориться будет просто, да лишние глаза и уши все равно не нужны.

– Можно, конечно, переждать, – рассуждал сам с собой Влад, понимая – не вытерпит. Горло сдавливало, голова гудела от мыслей. Он обязательно придумает выход. Сокровища его дождутся, теперь он уверен еще больше.

В закрытом крыле он оказался на третью ночь. Никакой охраны не было и в помине. Навесной замок, надежный только на первый взгляд, оказался вовсе не заперт. Точнее, аккуратно спилен с одной стороны, чего в темноте сразу было не рассмотреть.

В какой-то момент Влада охватил ледяной страх, без всякой причины. Он развернулся, стараясь не шуметь, и уже хотел уйти, когда ему на лицо легла чья-то рука, зажимая рот. Рука пахла растворителем для краски, цеплялась за отросшую щетину на щеках застарелыми мозолями. Влад попробовал вырваться, но оказался в хитроумном захвате. Вроде и не больно, а пошевелиться не может. Не получилось даже повернуться, дабы рассмотреть нападавшего.

– Тише, малой, не дури. Я сейчас руку уберу, ты не ори, пожалуйста, люди спят. Кивни, если понял.

Влад кивнул. Он сразу узнал голос Якута. Значит, вот как тот решил ему отомстить. Почему же медлит? Мог бы уже воткнуть нож в бок или так же сломать ему руку. Якут убрал ладонь, задержав ее на несколько мгновений у лица парня. Дышать сразу стало легче, только в носу все еще оставался химический запах.

В темноте раскосые глаза зловеще поблескивали алым. Влад поежился, отметив, что плечо еще болит. Или заболело от захвата? Запоздало пришла мысль: почему Якут тогда так спокойно дал себя покалечить? В нем сил раза в три больше Владовых.

– Долго ты, малой, собирался. – Мужчина широко улыбнулся. Влад уже мог хорошо его рассмотреть, темнота постепенно редела. – Третью ночь тебя тут караулю. Уж думал не придешь.

– Я не буду с тобой драться.

Якут хрипло рассмеялся, хотя сам минуту назад призывал к тишине. И смеялся как-то злобно, обидно смеялся. А потом неуловимым движением снова скрутил Влада, да так, что парень оказался прижатым щекой к шершавой, грязной стене.

– Если бы я хотел с тобой драться, малой, не позволил бы себе кости ломать. Мне теперь придется в отпуск уходить, а семью мою кто кормить будет?

Влад сопел, раздувал ноздри в бессильной злобе, но высвободиться не пытался. Понимал бесполезность любых попыток. К тому же плечо болело все сильнее.

– Не ты меня в тот день поломал, а медведь. Только он своей силой просто так делиться не станет, обязательно взамен попросит чего-то.

Сердце пропустило удар. Откуда Якут знает про медведя? Неужели тоже видел звериную морду.

– Видеть не видел, врать не стану, – ответил, точно мысли считал. – Вот зов слышал. *Он* и тебя позвал.

– Отпусти, – просипел Влад. – Не сбегу.

– Да куда же тебе бежать? – Якут усмехнулся, но просьбу исполнил. – Все равно вернешься, не сегодня так завтра. Только меня здесь уже не будет.

– На кой ты мне сдался? Я тебя не звал. – Парень потирал пульсирующее плечо, стараясь не кривиться от боли. Этот альбинос небось в темноте видит не хуже кошки! И что он там про медведя говорил?

– Ты, малой, не подумай чего, – Якут снял замок, взвесил в руке, – я тебя сразу заметил. Таких, как ты, не часто встретишь. Да не заводись, – видя раздражение парня, Якут положил руку ему на плечо – о чудо! – боль начала отступать, – я не про внешность твою говорю. Ты хоть и похож на него снаружи, внутри совсем другой.

Влад слушал его странные рассуждения, мозгом понимая абсурдность происходящего, и все же не делал больше попытки уйти. Кое-что в словах альбиноса его зацепило. То, чего никто не мог знать. Он никому и никогда не рассказывал о своих снах. Да и с кем делиться? Мать с отчимом давно в могиле, а сестренка слишком мала для подобных откровений.

– Тогда почему он мне снится? – Влад почувствовал, как внутри прорвало плотину, сдерживающую многие годы бурлящую реку его страхов. Темная вода, обретя наконец свободу, с ревом и грохотом рванула вперед, круша преграды.

– Ты ему не нужен, малой. Он подбирается к кому-то, кто рядом с тобой. И он получит свое, если его не остановить.

– Как это сделать? – Влад понимал, что со стороны их разговор похож на общение двух психов, но, кроме них, здесь больше никого не было. – И кто такой *он*?

– Слабый человек. Слабый и несчастный. Но получивший на время силу, которая его сгубила.

– Может, хватит загадок? Почему нельзя говорить прямо? Вот ты сам кто, например?

– Я твой друг. Помочь тебе хочу. Это плохо?

Влад задумался. В его жизни никогда не было тех, кто хотел бы ему помочь. Даже мать от него отгородилась невидимой преградой, скрывая за наигранной заботой свою неприязнь, отвращение, брезгливость. Скинула его на воспитание бабке, а сама занялась устройством личной жизни. Материнскую любовь она измеряла количеством денежных переводов, считая, что этого достаточно. Бабке и вовсе не было до внука-подкидыша никакого дела. Вот и рос Владик придорожной травой, прячась от людей на заброшенной много лет назад стройке, раскинувшейся недалеко от бабкиного дома. Со временем он даже научился получать удовольствие от собственного одиночества. А игры среди осыпающихся свай, торчащих из земли гнилыми зубами, были ничем не хуже тех, в которые играли обычные дети. Это слово ему тоже нравилось. Обычность других людей автоматически возводила его на более высокую ступень. Он не был обычным, а значит, не был простым и серым, как основная масса людей. И пусть отличие играло не в его пользу, Влад сумел примириться с этим.

– У меня нет друзей. Я сам по себе.

– Глупый ты еще, – цокнул языком Якут. – Вот и влез в историю. – Раздался щелчок и темноту разбавил луч света от карманного фонарика. – Зачем ты вообще сюда сунулся? Сокровища решил найти? Так я тебе скажу – нет здесь ничего. Если когда и было, то давно все растащили, еще при жизни хозяйки.

– Врешь! – Влад, полный решимости, рванул на себя дверь. – Раз ничего нет, то незачем тебе за мной ходить.

– Не я за тобой, ты за мной ходишь. – Якут усмехнулся и, легко оттеснив Влада, прошел первым. – Ты видишь, у меня рука сломана, много не унесу, даже если найдешь чего здесь. – Он приподнял загипсованную конечность. – Только и нет ведь ничего.

– Смени пластинку, – огрызнулся Влад, ни на шаг не отставая от своего нежеланного провожатого.

Отчего-то ночью заброшенное крыло выглядело совсем иначе, нежели днем. Стены с облупившейся краской и проступившей под ней старой кирпичной кладкой вызывали неприятную ассоциацию с содранной кожей. Того и гляди, кровь потечет. Гулкие шаги, отбиваясь эхом от древних стен, превращались в зловещие стоны, затухающие где-то впереди. Сам коридор казался вовсе бесконечным, хотя был не более тридцати метров в длину. А когда до полукруглого зала, которым заканчивалось крыло, осталось всего несколько шагов, Влад услышал переливчатый женский смех, оборвавшийся вскриком и противным булькающим звуком, отозвавшимся рвотным порывом.

– Ты слышал? – Якут уже потянулся к массивной ручке двери, когда Влад остановил его вопросом. – Женский смех.

– Нет, – тот пожал плечами. – Может, показалось?

– Здесь кто-то есть, – уверенно заявил Влад, озираясь по сторонам. – Посвети-ка.

Якут послушно выполнил просьбу, обшарив фонарем узкий коридор. Все двери были закрыты, кроме одной.

– Там, – Влад указал на приоткрытую створку. – Звук оттуда шел.

Он забрал фонарь и медленно приблизился к двери. Осторожно толкнул рукой, впуская луч света внутрь. Комната служила чем-то вроде кладовки. Здесь стояли старые поломанные кровати, столы и стулья. В одном углу высилась горка полосатых матрасов. Осмелев, Влад шагнул внутрь комнаты. Под ногами громко скрипнула паркетная доска, он вздрогнул и уронил фонарь на пол. Свет заплясал по стенам, выхватывая куски все с той же облупившейся краской.

– Черт! – выругался Влад и наклонился за фонарем. Совсем рядом кто-то вздохнул. Неужели Якут решил его разыграть? Парень схватил фонарь и, резко развернувшись, осветил прямо перед собой. От увиденного из горла вырвался крик.

Девушка, бледная до прозрачности, с темными кругами под глазами, лишенными зрачков, смотрела на него, чуть склонив голову набок. На ее ночной рубашке в области живота расплзлось, все увеличиваясь, красное, влажное пятно. Он ее узнал. Одна из близняшек с фотографии. Девушка подняла неестественно длинные руки и потянулась к нему, запрокинув голову. Кожа на ее шее лопнула, не выдержав натяжения, и из рваной раны брызнула кровь.

От набросившейся на него голодной волчицей паники Влад швырнул в призрак фонарем, и комната погрузилась во тьму. Ему казалось, вся его одежда теперь пропиталась кровью, он даже чувствовал, как что-то влажное и теплое стекает по лицу. Влад остервенело тер руками щеки, шею, грудь. Поднес ладони к глазам, но в темноте ничего не получалось

рассмотреть.

– Эй, ты чего шумишь? – Влад не видел Якута, только слышал его сбившееся дыхание. – Решил весь интернат перебудить?

– Здесь приведение, – сообщил он срывающимся голосом. – Я же сказал тебе, что слышал чей-то смех. Почему ты мне не поверил?

Якут возился где-то возле ног Влада и не отвечал. Разумеется, он считает его психом. Влад и сам бы не поверил, если кто рассказал ему о подобном.

– Я верю тебе, малой. – Влад вздрогнул. – Она не одна здесь такая. И кто догадался детей поселить в подобном месте? Пошли отсюда, днем надо приходиться. Ночью *их* время.

Зажегся чудом уцелевший после удара фонарь.

– Нет! – Влад был полон решимости. Призраки не могут причинить вреда, только напугать. Но на этот раз он будет готов. – Если хочешь, уходи, я остаюсь.

– Смелый. Смелый, но все равно глупый. Ладно, пошли. Покажу тебе то, ради чего ты сюда явился.

Провалившийся пол накрыли кусками фанеры, по краям натянули веревку, которая должна была преградить путь особо любопытным. Якут поднырнул под веревкой и осветил фонарем, показывая путь Владу.

– Здесь невысоко, можно просто спрыгнуть. Я не смогу, сам понимаешь. – Якут опять продемонстрировал гипс, будто о таком можно забыть. Влад кивнул, обрадовавшись удачному повороту.

Вместе они сдвинули лист фанеры. Высота и правда оказалась небольшой, чуть более полутора метров.

Оказавшись внизу, Влад попросил Якута сбросить ему фонарь.

Здесь ничего не изменилось: паутина, грязь, битое стекло и обломки старой мебели. На одной из стен красовался оборванный наполовину плакат с изображением Ленина, приехавшего на новогоднюю елку к детям. Пахло в подвале плесенью и сыростью.

– Малой, я буду говорить, куда идти. Слышишь меня?

– Слышу, – буркнул Влад, не особо радуясь такой осведомленности Якута.

– Видишь плакат висит, елка на нем нарисована? Иди по этой стене, пока не упруешься в тупик. Там кладка новая, не ошибешься. После сверни налево. А, – чертыхнулся Якут, – погоди, спущусь к тебе как-нибудь. Так не объяснить.

Почти сразу Влад услышал шум, надеясь, что Якут сломает себе шею и не будет путаться под ногами. Не сломал. Приперся.

– Вместе веселей, да, малой?

– Лучше и не скажешь, – сыронизировал Влад, но Якут то ли не понял, то ли в принципе не умел обижаться.

Оказавшись у свежей кладки, Влад почувствовал, как его буквально трясет от нетерпения. Сколько раз он подходил к этой стене с другой стороны, представляя, как однажды разнесет ее в пыль, и уходил ни с чем.

– Замерз? – по-своему расценил его озноб Якут. – Так вроде не холодно здесь. Ты не заболел?

– Ты в мамочки мне решил заделаться? – Влад чувствовал с каждым новым шагом нарастающую агрессию. Если пять минут назад он мечтал о том, чтобы Якут свернул себе шею, то теперь был готов свернуть ее собственными руками. Почувствовать, как под пальцами бьется артерия, переполняясь кровью, лопаясь, оставляет на коже синяки с

неровными краями; услышать треск ломающихся позвонков, сливающийся с предсмертным хрипом в inferнальной мелодии.

– Ясно, – кивнул чему-то понятному только ему Якут. – Он все еще имеет силу. Зря я надеялся, что ее хватает только на зов.

Якут раздражал своим присутствием, выбешивал ледяным спокойствием, выводил из себя, решая за него: куда идти и что делать.

– Пришли. Ну-ка, помоги.

Влад светил фонарем в абсолютно ровную кладку. Она оказалась еще более свежей, чем та, на которую он много раз натыкался, проходя по подвалу на зов. Якут решил его разыграть? Он пришел сюда за сокровищами, а не на увеселительную прогулку.

Перед глазами опять встал кровавый туман. И был он еще плотнее прежнего. В тумане, как и прежде, слышался голос. Но если раньше голос воспринимался Владом за его собственные мысли, то теперь, казалось, звучал уже снаружи, а не внутри головы. Влад отвлекся и пропустил удар в челюсть.

– Прости, малой, так надо.

Парень не сразу понял, что произошло, тупо таращась на Якута, а потом осел на землю, чувствуя, что теряет сознание. Кровавый туман зашипел, но отступил. А голос, выбравшийся из головы, юркнул обратно и притих.

* * *

Его тянуло к этому месту и одновременно толкало в грудь упругой волной, прогоняя, не пуская. Влад знал – там его ждет то, чего он так долго искал, чем грезил во сне и наяву. Так почему теперь, придя сюда, он не решается сделать последний шаг? Откуда эта пустота, заполнившая его изнутри, вытеснившая мечты и желания, оставив только гулкое эхо отчаяния?

Он опоздал. Это стало очевидным, как только рука коснулась кирпичной кладки. От кончиков пальцев к запястью пробежали мурашки; кожа покрылась инеем, сверкающим в свете фонарика россыпью бриллиантов, которые почти сразу таяли, становясь выпуклыми капельками воды. Влад, не отрываясь, смотрел на происходящие метаморфозы. Капли воды на его коже пришли в движение, собираясь в причудливый рисунок ключа с ажурной головкой. Острая боль пронзила кожу, оставив глубокую царапину, и прозрачный ключ стал заполняться кровью, будто некто невидимый тянул поршень шприца, наполняя прозрачную колбу.

Якут схватил запястье Влада и приложил его ладонь к кирпичной стене. Несколько мучительно долгих мгновений ничего не происходило, только ключ снова начал покрываться кристалликами льда.

– Не чуди, малой! – Голос Якута прорывался сквозь поднявшийся ниоткуда ветер. В лицо полетели пыль, куски паутины и ветоши. – Там он! Ты ведь хотел увидеть!

Влад словно очнулся от морока. Хотел! И сейчас хочет!

Рука медленно входила в кирпич, нарушая все законы физики, и вот уже не видно ладони, провалившейся в ставшую вязкой и упругой стену. А в следующую секунду монолитная кладка брызнула фонтаном оранжевых искр, оглушая, лишая ориентации.

Когда пыль осела, обнажив темный провал, уходящий в глубину подвала, Якут легонько

подтолкнул Влада в спину:

– Ступай, малой. Рассвет скоро, надо успеть.

Влад пригнулся и шагнул под низкий потолок. Света от фонарика вполне хватало, помещение оказалось совсем небольшим – два, может, три метра в длину и столько же в ширину. У одной стены, привалившись спиной, сидел почерневший от времени скелет со скрещенными на груди руками. Вся его поза говорила о том, что он до последнего защищал нечто дорогое для него.

– Убедился? – Парень вздрогнул и ударился макушкой о потолок. На волосы тут же посыпалась серая пыль – пепел. Откуда здесь было взяться пеплу? Никаких следов пожара в каморке не оказалось. Влад вдруг понял – скелет вовсе не от времени сделался черным, он сгорел. Значило ли это, что человека подожгли где-то в другом месте, а потом принесли сюда и замуровали? Если да, то кто-то же сюда приходил и даже сменил кирпичную кладку. Тогда почему не убрали кости?

– Ты знал? – Собственный голос показался Владу чужим: охрипший, будто простуженный и смертельно уставший.

– Да, – просто ответил Якут. – Знал и до последнего надеялся, что ошибся. Я поздно пришел сюда, как и ты, малой.

– Чей это скелет?

– Ты не слушал меня? Я уже все рассказал. Больше мне добавить нечего. Береги то, что тебе дорого, *он* придет за этим. Обязательно придет.

– У меня ничего нет, – горько усмехнулся Влад, – нечего мне терять.

– Тебе виднее, малой. Только помни, я тебя предупредил.

– И что теперь будет?

– С тобой – не знаю. Ты слышал *его* зов, и как *он* решит дальше, никто не сможет сказать. Авось и отстанет теперь. Поживем – увидим.

– Кто *он*? Ты об этой куче мусора? – Влад пнул ногой скелет и тот завалился набок. В абсолютной тишине раздался полный боли и отчаяния стон.

– Дом старый, – пожал плечами Якут, давая понять, что тоже слышал, – ветер шумит.

– Ветер, – эхом повторил Влад.

Обратный путь занял куда меньше времени. Оба хотели поскорее забыть о ночном приключении, пусть вслух никто об этом не говорил. Обветшалые стены в первых лучах нового дня больше не казались зловещими, а за приоткрытой дверью не поджидал жуткий призрак изувеченной девицы.

Влад не успел попрощаться с Якутом. Перешагнув порог заброшенного крыла, тот испарился, растаял в воздухе, оставив о себе лишь воспоминания. Позже Влад узнал, что в строительной бригаде никто не помнил альбиноса. Узбек был, но самый обычный.

А в тот день он решил вернуться в заброшенное крыло еще раз. Зов никуда не ушел и обещал дать Владу то, что он заслуживает. Если бы он только мог предугадать, какими чудовищными последствиями обернется та вылазка, своими руками заколотил бы вход в проклятое место и даже сами воспоминания о нем похоронил бы глубоко в чертогах памяти.

Трудно пришлось оюну^[1] с пацаненком. Мать отказалась от него, только увидев. Да разве он виноват, что уродился таким?

– Убей уродца и закопай! – шептала она страшным голосом, закрывая глаза ладонями.

Оюн и сам сперва перепугался, уж чего греха таить. Кожа у младенца оказалась сплошь рубцами да струпьями покрыта; на левой ручонке большого пальца недостает. Смотрит он на мать одним глазом, – второй бельмом белесым затянут, – кривит тонкие губы да ноздри, что у упыря кверху вывернутые, раздувает. Не плачет, лишь кряхтит. Только народился, а уже понимает – не нужен он ей такой.

– Забери, не клади камень на душу, – уговаривал оюн. Да куда там, уперлась баба рогом и ни в какую.

– Ты не убьешь, я сама его в канаву сброшу по пути к дому. На твоей совести будет!

Хотел он ее сразу прогнать, да пожалел. Если духи умом обделили, тут уж ничего не поделаешь. А может, надеялся – переменится несчастная, возьмет обратно слова, что вместе с ядом выплевывала.

– Ты же мать. Без тебя ему не выжить. Неужели не понимаешь?

– Не выжить, говоришь? – Баба, кажется, развеселилась, глазенки забежали, рот в улыбке жуткой растянулся. – Ну, значит, бог так захотел. Только Яшке его не показывай, я уж сама как-нибудь разберусь. Этого, – она чуть ли не плюнула на кряхтящий сверток, – как Яшка заснет, вынеси в лес и оставь под деревом. Наверняка тут волки водятся. Вот им пир-то будет!

Тут уж оюн понял – и с тем умишкой, что у нее имелся, баба распрощалась. Все чего попросил: пока она в его доме, кормить дитё грудным молоком. Знал – не станет противиться, чуяла она, что зависит от оюна, но попыток избавиться от нежеланного отпрыска не оставит. Пришлось ему даже сидеть подле нее во время кормления, чтобы не задушила ненароком детенка. С нее станется. А баба бесстыжая не стеснялась нисколько, грудь при нем вываливала, не дожидаясь, когда отвернется.

– Зачем ты пила, если знала о беременности?

Баба посмотрела на оюна ошалелыми глазами, но, быстро совладав с собой, нагло ответила:

– Тебе не понять, старик. Живешь в своем лесу, как проклятый, света белого не видишь. Вся жизнь она там – в городе. Вино хмельное, еда сладкая да мягкая постель. А у тебя тут что? Спишь на соломе, как бродяга какой. – Она похлопала ладошкой возле себя. – Небось и не слышал про перины пуховые?

– Видать, на перинах ты и ребенка нагуляла?

– Не завидуй, старик, – усмехнулась она. – Нагуляла или нет, то мой грех. Муж у меня вон где, – сжала кулак и показала его оюну, – все по моему слову будет. Помер младенчик, схоронила по-тихому, чтобы не вспоминать. Другого рожу, если захочется.

– И другого похоронишь? – устало обронил он.

– Надо будет – дюжину схороню. Забирай уродца ненавистного, нажрался, вон уже отрыгивает.

С этими словами она едва ли не швырнула ребенка в руки шаману и растянулась на постели.

Через два дня, когда гости засобирались в путь, за его домом появился маленький холмик с крестом. Пусть мать-кукушка думает будто по ее воле вышло. Ему забот меньше.

После той ночи, когда занесло в лес брочку с беременной бабой, прошло почти семь лет. Оюн и сам не заметил, как пацаненок окреп, взялся по хозяйству помогать. Шамана звал не иначе как дедом. О своем уродстве и не думал. Куда уж об этом было вспоминать самому оюну. Да и не видел он внешности внука, глубже смотрел – туда, куда не всякому заглянуть дано. Пацаненка оюн назвал Иваном. Очень ему имя в пору пришлось, сами духи оюну послали в его лице чудо^[2].

Как время подошло, по древней традиции дед сделал внуку подарок – нож с рукояткой в виде медвежьей головы с пастью разъявленной.

– Береги его, Ивашка! – Видя, как загорается радостью здоровый глаз внука, оюн сам едва не пустил слезу. – Клинок не простой, его наши предки ковали. Теперь уже их духи будут тебя охранять.

– Дед, а как предки могут нас охранять, если они померли давно?

– Предки всегда рядом, – прижимая внука к груди, улыбался шаман. Перед глазами его проплывали лица тех, кто когда-то жил на этой земле.

– Выходит, они хорошие, ну предки эти, если мы про них помним?

– Помнить нужно всех: одних, чтобы гордиться, других же, чтобы не повторить их ошибок.

– А кто мои родители, дед?

Шаман замолчал. Не любил он этого вопроса касаться.

– Ну, дед? Расскажи! – требовал внук, усаживаясь к нему на колени. – Про медведя и медведицу. Ты же помнишь?

Оюн снова начинал улыбаться, закуривал трубку с душистым табаком и заводил рассказ:

– В тот год, когда ты родился, стояла страшная засуха. Пожары вспыхивали то тут, то там и зверью не было от них спасения. Я точно так же, как мы с тобой сейчас, сидел на крыльце и вдруг из леса вышли ко мне медведь с медведицей. Не сразу я заметил в могучих лапах одного из них шевелящийся комочек.

– Это я был! Да, дед? – Пацаненок не мог долго сидеть на месте, а монотонный рассказ оюна его убаюкивал.

– Ты, – покивал шаман. – Медведица наказала мне беречь тебя и подарила тот самый клинок, который у тебя за поясом висит.

– Выходит, медведи и есть наши предки. А, дед?

– Выходит, так. – В такие моменты он и сам начинал верить в придуманную историю. Незачем парнишке знать правду. В лесу она ему без надобности.

– Дед, – не унимался внук, – а я такой сделался из-за пожара?

– Какой еще такой? О чем мы с тобой говорили, помнишь?

Пацан кивнул.

– Повтори, если помнишь.

– Да помню я, – заупрямился вдруг тот. – Только пожаров давно уже нет, а медведица так за мной и не вернулась.

«И хорошо, что не вернулась, – подумал про себя дед. – Не нужна тебе такая мать. Кукушка она, а никакая не медведица».

– Спасибо, дед!

Оюн так и не понял, за что именно поблагодарил его внук. Взял пацаненка за руку и повел в чащу. Времени у него осталось не так много, нужно успеть обучить Ивана выживать в лесу.

* * *

Алиса скучала по Нинке. Прошло два года с тех пор, как она ушла из интерната со своим вновь обретенным отцом, и с тех пор от нее не было никаких вестей. Да, они никогда не были настоящими подругами, и все же Алиса привязалась к ней. По-своему, но привязалась. Ей не хватало Нинкиного задора, ее жажды жизни, заразительного оптимизма. Она жила на полную катушку, хотя частенько жалела себя, копаясь в прошлом и стараясь заглянуть в будущее. Алиса пыталась представить себе, как Нина живет теперь, и не могла. Она уже сама забыла, каково это – быть в семье.

Теперь она сожалела, что проводила с Ниной совсем мало времени, избегала ее общества, осознанно игнорировала, когда та пыталась заводить разговор. И когда Нина ушла, Алиса очень остро ощутила свое одиночество, свою ненужность, внутреннюю пустоту и безысходность. Чтобы не сойти с ума, Алиса с головой ушла в книги. Они стали ее настоящими друзьями. С ними она проживала множество новых, потрясающе разнообразных жизней. Как только заканчивалась одна книга, Алиса сразу же открывала следующую, только бы не успеть глотнуть воздуха отравленной атмосферы, царящей в стенах интерната. Она могла бы, как и другие воспитанники, сбегать после отбоя, пить вино, курить сигареты или даже начать принимать наркотики, возвращаясь в корпус под утро. Могла, но не хотела. У нее был свой личный наркотик – под яркими обложками, с шелестящими страницами, заполненными черными буквами точно нотами, из которых складывались волшебные мелодии: смешные и грустные, фантастические и реалистично-приземленные. Одно оставалось неизменным: от этой эйфории, или, как говорили девчонки в корпусе, – кайфа, можно было получать бесконечное удовольствие, без какого-либо вреда.

Приближался Новый год – самый семейный праздник в году. Алиса не понимала, почему его отмечают в интернате, и никогда не участвовала в общем веселье, стараясь забиться в самый дальний угол, только бы ее никто не трогал. Ее выворачивало от казенных подарков: пары заскорузлых карамелек и просроченного шоколада. Дед Мороз, в которого передевалась одна из воспитателей, пугал до чертиков, когда смотрел из-под очков с тройными линзами. К тому же от его костюма пахло кошачьей мочой. Новый год Алиса ненавидела, и ненависть эта родилась в ту самую ночь, когда она положила под подушку мандарин и загадала желание: чтобы мама поскорее вернулась...

...спала Алиса плохо. Всю ночь ее мучили кошмары, в которых она от кого-то убегала, пряталась, снова убегала... Лица своего преследователя девочка не видела, она боялась обернуться, слыша лишь его тяжелое дыхание за спиной.

Проснувшись, она первым делом побежала в комнату, направляясь напрямиком к елке. Она обошла дерево со всех сторон, заглянула под вату, имитирующую снег, но так ничего и не нашла. Впервые папа не положил под елку подарок. Может быть, не успел купить? Или просто забыл и теперь подарок дожидается ее в родительской спальне? Алиса вспомнила про загаданное накануне желание и на цыпочках пробралась к комнате родителей. Дверь была не заперта, в образовавшуюся щелку Алиса увидела папу и... маму? Точнее, увидела она лишь

две пары ног, торчащих из-под одеяла, а дальше воображение все дорисовало само. Она быстро вернулась в детскую, достала из-под подушки мандарин и чмокнула его в оранжевый бок.

– Спасибо! – шепнула Алиса. – Я даже не думала, что желание исполнится так быстро.

Обратно девочка бежала уже не таясь. Она была счастлива тому, что мама вернулась. Она не бросила их! Алиса была так воодушевлена своим открытием, что не заметила закрытую дверь, ведущую в спальню родителей, и с радостным криком распахнула ее.

– Алиса! – первым среагировал папа. Он приподнялся в кровати и, нащупав на тумбе очки, нацепил их на нос, неодобрительно уставившись на дочь. – Я же учил тебя стучаться, прежде чем входить.

Тетя Оксана полусидела рядом, натянув одеяло до самого подбородка, сонно моргая.

Алиса не понимала, как такое могло быть. Она ведь загадала желание, и мама... ноги... они с папой... Девочка расплакалась, стоя посреди родительской спальни. Мандарин выпал из ее руки и покатился под кровать. Алиса бросилась прочь. Папа потом долго уговаривал ее выйти к столу, но Алиса заперлась в комнате и не желала никого видеть.

Так пролетели новогодние каникулы, и Алиса очень обрадовалась тому, что пойдет в школу. По крайней мере, так она станет меньше времени проводить дома. Только у папы с тетей Оксаной оказались совершенно другие планы.

– Не будет большой беды, если ты, Алиса, пару дней пропустишь занятия в школе. Иди, собирай свои вещи, мы едем в деревню, где ты наконец познакомишься с Владом. Он сейчас живет у бабушки.

Алиса заметила, как дрогнули губы тети Оксаны, а затем та часто заморгала, стараясь не заплакать. Девочка не придавала значения такой реакции и, как оказалось позже, совершенно напрасно. Несмотря ни на что, поездка в деревню ей показалась настоящим приключением. Со слов папы, они возили ее совсем маленькую к бабушке, но Алиса той поездки не помнила, а значит, для нее все будет в новинку.

В деревне есть коровы с большими добрыми глазами, кролики и беспокойные куры. У дома, в сколоченной из серых досок будке, обязательно должен находиться старый пес с обвислыми ушами, который при виде гостей начнет хрипло лаять, просто для того, чтобы показать – он не позволит пробраться на территорию чужакам, а после станет вилять хвостом и лизать лицо широким плоским языком. Алиса уже представила, как будет тайком приносить Пирату – пса должны звать именно так – лакомые кусочки со стола, а он будет смешно тыкаться ей в зажатые в кулаки ладошки, угадывая, где спрятана вкуснятина.

То место, куда ее привезли папа с тетей Оксаной, не могло называться деревней. Уютные деревянные домики здесь потеснили громоздкие коттеджи, гордо и с плохо скрываемой брезгливостью взирающие новенькими пластиковыми окнами на своих собратьев рангом ниже. Немногочисленные деревянные домишки жались друг к другу словно озябшие котята в коробке на птичьем рынке, которых вот-вот должны забрать новые хозяева. Но пока они где-то ходят, присматриваясь к другим питомцам, так страшно ждать, не зная, в какие руки попадешь.

По дороге им не встретилось ни одной коровы. Куры не бегали по дворам, оглашая окрестности громким квохтаньем, а сидели в клетках, стараясь поглубже закопаться в сухую солому. Да и папина машина не вписывалась в деревенский колорит. Машина для города. В деревне она ни к чему. Алиса представила, как сидит в санках и папа везет ее по заснеженной улочке, под его ногами скрипит снег, с темного неба светит яркая луна, и в ее

призрачном свете пляшут искрящиеся снежинки.

Все в этой деревне было не так. Даже женщина, встретившая их возле калитки, не была похожа на добрую бабушку. Бабушки носят платки на голове и пушистые шали. Зимой они обуваются в валенки и пекут пироги в печке. Перед Алисой же предстала настоящая баба-яга с всклокоченными седыми волосами, торчащими из-под грязной вязаной шапки. На сутулой спине болтался облезлый полушубок, на ногах обычные домашние тапки поверх шерстяного носка. Она смотрела на гостей прищуренными глазами, плотно сжав тонкие губы, и даже не поздоровалась, когда те приблизились.

«Баба-яга» что-то буркнула себе под нос и, повернувшись спиной, пошаркала к дому. Дом оказался старым, деревянным, но не таким уютным, как представляла себе Алиса. И пса в будке не обнаружилось. Алиса специально заглянула в «собачий домик» – никого. Зато на встречу ей вышел большой рыжий кот с круглыми, как блюдца, глазами, такими же рыжими, как и он сам. Кот потерялся о ногу Алисы и мурлыкнул. Но когда она потянулась погладить его, рыжий отскочил в сторону и зашипел.

Папа остался во дворе, забрать вещи из машины. Алиса вместе с тетей Оксаной прошли в дом.

– Мама, мы погостим у тебя пару дней. – Тетя Оксана неловко обняла старушку, поцеловала в морщинистую щеку, которую «баба-яга» тут же вытерла тыльной стороной ладони. – Владька проснулся?

– Я почему знаю, – проскрипела старуха, скидывая полушубок на лавку возле входа. – Иди, посмотри, он твой сын.

– Мама, я прошу тебя, не начинай.

– Я бы сама была рада, если бы оно закончилось. Помереть спокойно матери не даешь, еще ублюдка на меня повесила. – Старуха взяла с плиты чайник и подошла к эмалированному баку с водой. – Он не жрет ничего. На улицу не выгонишь, о помощи не допросишься.

– Мама, вот зачем ты так? Какая улица? Кто с ним играть будет? Ваши деревенские злые, как собаки.

– Ну вот и заberi его в город, – припечатала старуха, бухнув чайник обратно на плиту. – Я устала, всё, хватит!

Из-за двери послышался топот ног, и в дом вошел папа с двумя дорожными сумками. На его волосах лежал снег, который в натопленном до духоты помещении таял, превращаясь в капельки воды.

– Игорь, мы уезжаем. – Тетя Оксана подошла к нему, на ходу застегивая пальто. На ее покрасневших щеках блестели слезы.

– Что случилось? – Папа поставил сумки на пол. – Серафима Анатольевна, почему ваша дочь плачет?

– Вот у нее и спроси, она уже взрослая. – Старуха наконец-то зажгла газ под чайником и демонстративно отвернулась к окну. – Я ей ничего плохого не сказала.

– Оксана? – Папа положил руки на плечи тети Оксаны. – Если хочешь, мы уедем прямо сейчас.

– Именно этого я и хочу. – Она дернула плечом, скидывая ладонь. – Подождите полчаса, я Владьку соберу и поедем.

– Куда ты собралась, оглашенная? – Неожиданно старуха вскочила на ноги и принялась стаскивать с тети Оксаны пальто. – Смотри, чего за окном творится! Буран!

– Да, Оксан, – папа, приготовившись ждать, присел на лавку и посадил к себе на колени Алису, – на улице метет. Я машину от деревьев подальше отогнал.

– Ничего, доедем как-нибудь, – не сдавалась она. – Иди, прогревай тачку. Алису пока здесь оставь.

Папа послушно поднялся, усадив на свое место дочь.

– Игорь, ну ты же умный мужик. Скажи ты ей! – Старуха схватилась за ручку двери, не позволяя папе выйти. – Разгуляется погода и поедете.

Папа без слов стянул с себя дубленку, повесил ее на гвоздь, вколоченный прямо в стену, и принялся раздевать Алису. Девочка обрадовалась, что не придется никуда ехать, хоть и побаивалась вредную старуху. Но ей было жарко, хотелось пить, а еще больше спать.

Вскоре они вчетвером сидели за круглым столом, укрытым аляпистой скатертью, и пили чай. Старуха, показавшаяся Алисе злой и нелюдистой, раскрылась совсем с другой стороны. Она постоянно подкладывала в вазочку варенье, двигая ее ближе к девочке, подливала свежего чая и все расспрашивала, как Алиса учится и с кем дружит. Тете Оксане такое поведение матери почему-то не нравилось, и она старалась перевести разговор на другую тему. Чаще о загадочном Владе, который спал в соседней комнате.

– Алиса на три года младше Влада, мама, – с нажимом отвечала за нее женщина, когда старуха спрашивала, в каком классе учится девочка. – Она перешла во второй класс.

– Почему ты за нее отвечаешь? – огрызалась та, снова становясь «бабой-ягой». Но стоило ей посмотреть на Алису, как страшная маска падала с лица и за столом оказывалась добрая деревенская бабуля. – Алисочка, хочешь еще варенья? Кушай, детка.

– Серафима Анатольевна, у нее диатез разовьется, – встревал в разговор папа.

– От ваших конфет импортных диатезы, может, и развиваются, а с моего варенья ничего не будет. Я клубнику на собственном огороде выращиваю.

– Ну все, хватит с меня! – Тетя Оксана бросила на стол скомканную салфетку и поднялась, шумно отодвинув стул.

– Оксан, ты чего? – Папа тоже попытался встать, но она жестом велела ему оставаться на месте.

– Влад, кажется, проснулся. Пойду к нему.

– Ступай, – улыбнулась старуха, – а мы с Алисочкой еще чайку выпьем. Будешь чаек, моя хорошая?

Алиса потеряла глаза. Она стеснялась сказать, что давно уже хочет спать, а взрослые никак не хотели ее понять. От выпитого чая еще и в туалет захотелось.

Весь ее сон как рукой сняло, когда дверь, ведущая в соседнюю проходную комнату, с тихим скрипом открылась, и из-за нее высунулся некто. Алиса решила, что, кроме нее, этого никто не видит, потому как взрослые продолжали вести себя спокойно, в то время как саму Алису заключил в невидимые объятия ледяной ужас. Она хотела закричать и не смогла, будто невидимая петля сдавила ей горло.

– Мам, это ты? – мальчишеским голосом проговорил «некто», щурясь на свет. – Ты приехала за мной?

– Да, Владик, я приехала. – Тетя Оксана подошла и присела перед ним на корточки. – И я не одна. Дядю Игоря ты уже знаешь, теперь познакомишься с его дочкой Алисой.

Взгляд Алисы стал умоляющим. Она смотрела на папу, но тот, вместо того чтобы защитить ее, улыбнулся и вышел из-за стола, приглашая дочь сделать то же самое. Алиса словно приросла к стулу и не могла сдвинуться с места. Странно, но именно старуха поняла

все правильно. Она бросила гневный взгляд в сторону тети Оксаны и подошла к Алисе, чтобы обнять:

– Ты что же, окаянная, не рассказала ничего ребенку? Ну же, детка, не плачь. Это Владик, он тебя не обидит.

Алиса и сама не поняла, что по щекам у нее катятся слезы, прочерчивая мокрые дорожки. Она даже не пыталась их вытирать и капельки падали на платье, расплываясь темными пятнышками.

– Мама! – взвизгнула женщина. – Ты говоришь о моем сыне, как о каком-то животном.

– Ну-ну, не перегибай палку. Я бы тоже испугалась, если... – Что «если», Алиса не услышала. Ей на уши точно натянули толстую зимнюю шапку, сквозь которую проходил лишь тоненький, похожий на комариный, писк. Влад сам решил подойти к ней. И когда он протянул руку, Алисе показалось, что вместо кожи у него рыба чешуя. Такой же «чешуей» были покрыты лицо и шея мальчика. Редкие волосы начинали расти слишком далеко, отчего лоб становился неестественно высоким. По-рыбьи же круглые глаза водянистого цвета, с белесыми ресницами, смотрели на Алису изучающе, с долей опасения.

Звуки возвращались постепенно, как бывает при пробуждении от глубокого сна. Алиса справилась с первым оцепенением и даже попыталась улыбнуться, коснувшись кончиками пальцев протянутой руки. Вопреки опасениям, кожа не была холодной и скользкой, как у змеи или лягушки, а была она теплой, слегка шершавой.

Влад улыбнулся в ответ, обнажив ряд редких кривых зубов...

– С наступающим Новым годом тебя, Маркина. – Пружинный матрас кровати скрипнул, прогибаясь под тяжестью тела. Алиса тряхнула головой, прогоняя видения. Ей показалось, что перед ней все еще находится улыбающийся Влад. Он всегда стеснялся своей улыбки и только с Алисой мог быть самим собой. – И шестнадцатилетием! – торжественно объявил Паша Канарейкин. Он был новеньким, попал в интернат полгода назад, вместе со своим другом.

– Ненавижу дни рождения! – Алиса не желала общаться с приставучим парнем, поэтому даже не подняла глаз от книги, лежащей у нее на коленях. Девушка машинально отметила, что пролистала почти двадцать страниц, но не смогла вспомнить ничего из прочитанного, провалившись в воспоминания, как в омут.

– А я тебя наоборот. В смысле дни рождения, наоборот... ну того самого... нравятся они мне.

Алиса с удивлением подняла глаза, рассматривая красного, как рак, парня. Казалось, у него покраснели даже корни волос. Паша что-то недоговаривал, и это не укрылось от внимания Алисы. Поняв, что его рассекретили, он достал из-за спины самую настоящую розу и протянул ее Алисе, краснея еще сильнее.

– В общем, вот. – Голос у парня сорвался, пришлось откашливаться. – Роза. Тебе.

– Где взял? – Алиса не спешила принимать подарок. – Надеюсь, не украл?

– Слушай, не нравится, не бери. Ленке передарю, у нее тоже день рождения скоро. – Он спрыгнул с кровати, полный решимости исполнить угрозу. – Будешь брат или как?

– Давай уже, – смилостивилась Алиса, отметив новую вспышку румянца на Пашкиных щеках, и тихо добавила: – Спасибо!

– Тебе правда нравится? – От улыбки у Пашки на щеках проявились ямочки, так что возникло желание улыбнуться в ответ.

– Нравится, – честно ответила Алиса, поднеся розу к носу. – Пахнет чудесно.

– Зимние розы почти не пахнут, но я специально выбрал эту. Она самая пахучая. То есть ароматная. Короче, ты меня поняла.

– Угу, – лаконично ответила девушка.

– Ну я пошел?

– Иди.

– Ну пока.

– Угу.

Пашка почесал затылок, взлохматив отросшие русые волосы, помялся какое-то время и вышел. Почти сразу из-за приоткрытой двери высунулась его голова и спросила:

– Может, прогуляемся сегодня вечером? Я могу с Михайловичем договориться, выпустит за территорию.

– Договорись. – Алиса не стала рассказывать о дружбе со сторожем, давая парню возможность почувствовать свою важность.

– Не хочешь, как... как ты сказала? Ага, понял. Тогда после отбоя я тебя жду у выхода. Только ты уж приходи.

– Приду, – пообещала Алиса и демонстративно уставилась в книгу.

За дверью послышался радостный Пашкин возглас, и она, не выдержав, прыснула в кулачок.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Шаман (*якутск.*).

Имя Иван (стар. Иоанн) древнееврейского происхождения и означает: Яхве (Бог) смилостивился, Яхве (Бог) помиловал, дар Бога, благодать Божья.